

КОНТАКТЫ ПРУССОВ И КУРШЕЙ X–XIII ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

РОМАН А. ШИРОУХОВ

В статье рассматриваются характерные для пруссов и куршей типы украшений и оружия X–XIII вв. Выполнено картографирование находок «куршского» типа в прусских землях. Исследуется вопрос о возможности существования куршских погребений на территории пруссов. В работе также уделено внимание прусским женским кремациям XI–XIII в., а также предполагаемым ингумациям пруссов XII – первой половины XIII в. В контексте культурных связей пруссов и куршей кратко анализированы археологические памятники XI/XII–XV вв., находящиеся на Куршской Косе. Дополнительно рассмотрены торговые пути и возможные маршруты проникновения импортов и инноваций в прусских и куршских землях.

Ключевые слова: пруссы, курши, украшения, оружие, погребальный обряд.

Straipsnyje apžvelgiami prūsams ir kuršiams būdingi X–XIII a. papuošalų ir ginklų tipai. Atliktas „kuršių“ tipo radinių kartografavimas prūsų žemėse. Nagrinėjamas kuršių kapų egzistavimo prūsų teritorijoje galimybės klausimas. Taip pat skiriama dėmesio prūsų moterų XI–XIII a. degintiniams ir XII a. – XIII a. pirmosios pusės spėjamiems prūsų griautiniams kapams. Prūsų ir kuršių kultūrinių ryšių kontekste glaustai analizuojami XI/XII–XV a. archeologiniai paminklai, esantys Kuršių nerijoje. Aptariami pagrindiniai prekybos keliai ir galimi importo bei inovacijų maršrutai prūsų ir kuršių žemėse.

Reikšminiai žodžiai: prūsai, kuršiai, papuošalai, ginklai, laidosena.

ВВЕДЕНИЕ

Отношения пруссов и куршей позднего железного века скудно освещены письменными источниками. В работах средневековых историков Северной Европы – Адама Бременского «Деяния епископов Гамбургской церкви» (написана около 1075 г.) и «Деяние Данов» Саксона Грамматика (1200 г.), а также в Ливонской Хронике Генриха Латвийского (1225–1227 гг.) и Ливонской Рифмованной хронике (1290 г.) мы встречаем лишь разрозненные параллельные упоминания об этих народах. Ключевой канвой этих сообщений является полити-

ческая зависимость тех и других от шведов либо датчан (А. Бременский, С. Грамматик) и позже – от власти немецких рыцарских орденов («Ливонские» Хроники) (Генрих Латвийский, 1938, 81, 132, 226; Saxo, 1979–1980, 10, 24–25, 172, 255, 287; Baltų, 1996, 191, 288, 307, 313). За исключением кратких сравнительных характеристик рассматриваемых этносов, непосредственно культурные контакты пруссов и куршей находились вне поля зрения европейских хронистов XI–XIII вв. Так и не став позже объектом исследования историографии нового и новейшего времени вплоть до первой трети XX в., когда начинают появляться первые

Рис. 1. Основные зоны распространения типов украшений и оружия, характерных для пруссов и куршей: 1 – Самбийский полуостров, 2 – Литовское и Латвийское Взморье, 3 – Среднее течение Преголи, 4 – Нижнее течение Немана, 5 – остров Готланд.

сопоставления балтских, в том числе прусской и куршской, культур в контексте набирающей вес археологической науки (Gaerte, 1929, 312–346; Engel, La Baume, 1937, 188–197).

В дальнейшем тема куршско–пруссских контактов кратко освещалась В. И. Кулаковым (Kulakov, 1994, 107–121) и В. Жулкусом (Žulkus, 2004, 167–168; 2006, 90–91). Вопрос отношений куршей и пруссов в X–XII вв., через призму контактов западных балтов и скандинавов затрагивается в работах А. Мицкявичуса (Mickevičius, 1993š; 1994; 2001).

По мнению В. Жулкуса, обряд кремации приходит к куршам в конце VIII в. именно от пруссов (через скальвов и ламатов) (Žulkus, 2004, 162). Таким образом, подобная трансляция погребальной традиции могла быть вызвана усилением культурных контактов между пруссами и куршами и, в свою очередь, влиять на их дальнейшее развитие.

При этом, В. И. Кулаков подчёркивает факт отсутствия в куршском ареале каких-либо прусских материальных инноваций, не характерных для куршей. Напротив – он отмечает распространённость куршских украшений и видов вооружения в составе погребального инвентаря прусских грунтовых могильников X–XIII вв. (Kulakov, 1994, 107; Кулаков, 1994, 47–51, 163). В своих последних работах В. И. Кулаков и его ученики отмечают усиление куршского присутствия на Самбии после ухода скандинавов в первой трети XI в., говоря о периоде XI–XII вв. как о «золотом веке» куршей (Кулаков, 2010a, 188–208; 2010b, 9; Кулаков, Тюрин, 2010, 16). Действительно, во второй половине XI–XII вв. происходит наиболее активное проникновение куршского этноса в соседние земли земгалов, жемайтов и ливов (Asaris, 1996, 39–41; Žulkus, 2006, 88–91). При этом, следуя сложившемуся в археологической литературе мнению, стоит отметить, что с концом «эпохи викингов» и зарождением первых скандинавских феодальных государств, материальная культура куршей (и отчасти пруссов), ориентированная на посредническую торговлю со скандинавами, с конца XI в. начинает упрощаться и унифицироваться (Mickevičius, 1993š, 151; Bliujienė, 1999, 15; Žulkus, 2004, 209–210). Тем не менее, судя по письменным источникам конца XII–XIII вв., курши и пруссы продолжают играть активную роль в пространстве Балтийского моря в это время (Mickevičius, 1994, 164–165; Žulkus, 2004, 193–198) (Рис. 1).

Таким образом, перед нами стоят следующие вопросы:

1. Какие из типов украшений, вооружения и предметов быта, находимые на археологических памятниках пруссов, мы можем считать действительно куршскими? И возможно ли существование подобных «этнических» типов вообще в контексте довольно тесных контактов между западными балтами

(куршами, пруссами, земгалами и др.) и на фоне интенсификации процессов «глобализации» Балтийского региона X–XIII вв.?

2. Существуют ли на территории грунтовых могильников пруссов X–XIII вв. «классические» погребальные комплексы, характерные для куршей? Под «классическими» здесь мы понимаем погребения, соответствующие по характеристикам обряда и погребального инвентаря устоявшимся традициям, и составляющие большинство на куршских грунтовых могильниках обозначенного периода. Каким образом мы можем атрибутировать прусские двухъярусные погребения, включающие в себя инвентарь, характерный и для куршей?

3. Могут ли археологические памятники позднего железного века, расположенные на Куршской Косе, свидетельствовать о нахождении здесь пограничья – зоны интенсивных контактов куршской и прусской культур?

4. Если отношения между пруссами и куршами *de facto* существовали, где тогда находились основные пути и центры проникновения инноваций, культурных контактов и других взаимнообратных связей исследуемых здесь этносов?

ОБЩИЕ ТИПЫ УКРАШЕНИЙ И ВООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПРУССОВ И КУРШЕЙ

Типы украшений, характерные для прусского и куршского погребального инвентаря

Может ли присутствие того или иного типа инвентаря в погребении определять

этническую составляющую последнего? Насколько точной является идентификация конкретного вида украшения либо вооружения, относимого к определённому этносу на нехарактерной для последнего территории? Эти и другие вопросы возникают у нас при картировании находок на территориях, относимых к прусскому и куршскому ареалам¹ (Рис. 2).

Действительно, было бы странным отрицать наличие материальных следов торговых, военных, матримониальных и др. контактов между куршами и пруссами в эпоху викингов и в так называемый «позднеязыческий» период. С другой стороны – в отличие от жемайтов или земгалов, ламатов и скальвов, с которыми курши имели возможность контактировать напрямую по суше, – с пруссами у куршей прямой границы не было. Исключение составляет лишь Куршская коса – полоска суши, разделённая в то время несколькими проливами, и возможно, до XII в. не имевшая постоянного населения (Bezzenberger, 1889, 10–11, 22, 108–109). К вопросу о предполагаемом куршско-прусском пограничье и относимых к нему памятниках археологии мы обратимся ниже.

Таким образом, наиболее реалистичной локализацией прямых контактов между куршами и пруссами были торгово-ремесленные центры. Из наиболее известных существовавших к началу X в. торгово-ремесленных центров, сыгравших ведущую роль в культурном обмене между куршами и пруссами (жителями южного Курша и Самбии) можно назвать Кауп-Вискаютен на Самбии, Линкунен в землях скальвов, Жарде на территории куршской земли Пилсотас, и

¹ Названия населённых пунктов и памятников пруссов, относимых к ним, даны здесь в следующей последовательности – в случае исследования памятника до 1945 г. сначала пишется старое название – Долькайм (Коврово); в случае исследования памятника после 1945 г. сначала пишется новое название – Грачёвка (Краам), тоже относится к случаям, когда памятник был известен до войны, но масштабным исследованиям подвергся после 1945 г. – Митино (Штантау). Остальные названия даются в авторской транскрипции согласно отчётам и публикациям – Алейка-3, Альт-Веллау, Кляйнхайде и др.

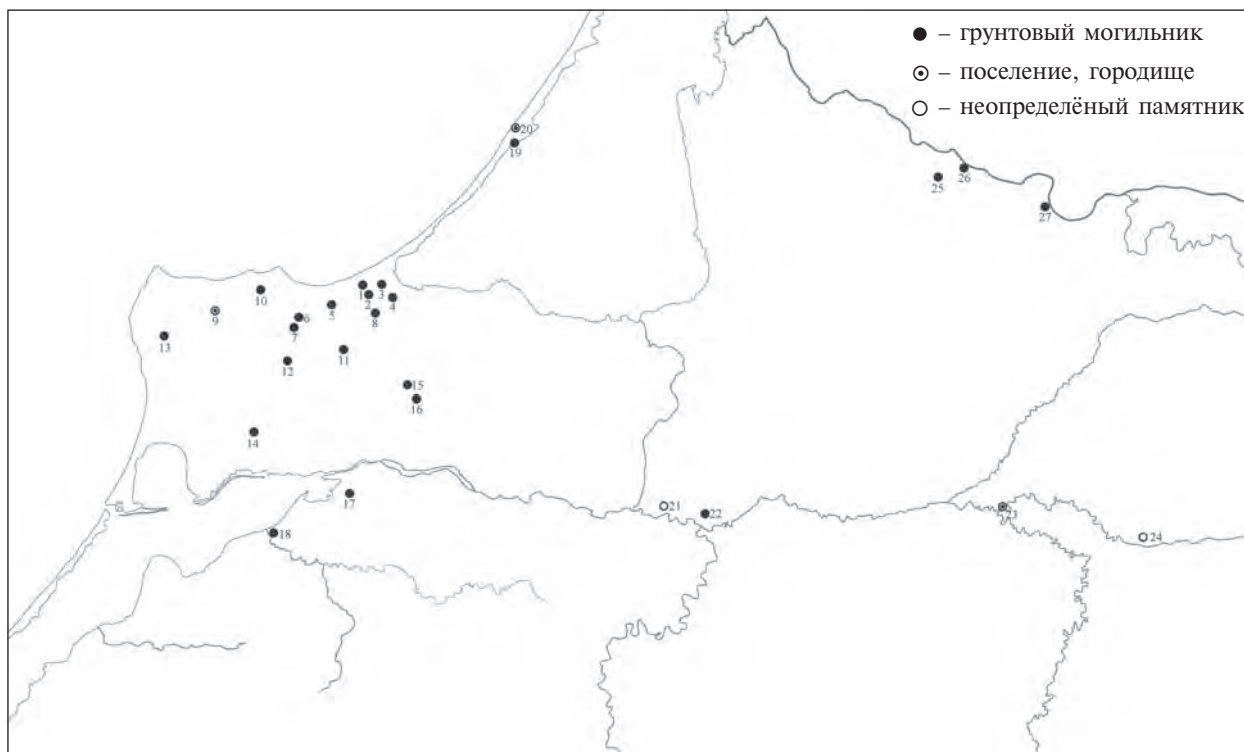

Рис. 2. Памятники археологии пруссов и их соседей, рассмотренные в публикации: 1 – Клинцовка-1 (Ирзекапинис), 2 – Кауп-Вискаутен, 3 – Бледау (Сосновка), 4 – Шульштайн, 5 – Доллькайм (Коврово), 6 – Алейка-3, 7 – Геройское-5 (Айслигтен), 8 – Лаптау (Муромское), 9 – Грачёвка (Краам), 10 – Доброе (Хюненберг), 11 – гр. мог. у бывшего Экриттен, 12 – Зеefeld, 13 – Поваровка (Гребитен-С), 14 – Шудиттен (Орехово), 15 – Митино (Штантау), 16 – Кляйнхайде, 17 – Шоссейное-1, 18 – Ушаково (Бранденбург), 19 – Штангенвальде, 20 – Кораллен-Берг, 21 – Лунино (Сандиттен), 22 – Альт-Велау, 23 – Тимофеевка (Камсвикус), 24 – Гусев (Гумбиннен), 25 – Линкунен (Ржевское), 26 – Шплиттер, 27 – Рагнит (Неман).

конечно – Паланга в куршской земле Мегува (Žulkus, Klimka, 1989, 57–59; Žulkus, 2004, 107–117). В археологическом плане непосредственно торгово-ремесленными поселениями мы можем считать пока лишь Жарде и Паланга (Genys, 1995; Žulkus, 2007), поскольку находки на предполагаемом месте поселения Кауп, чьё гипотетическое существование подтверждается нахождением рядом полиэтнических курганного и грунтового могильников X–XIII вв. (Kleeman, 1939a, 4–14; Кулаков, 2010a, 194–208), явно недоста-

точны для полного отождествления их со ставшим уже легендарным для археологов Балтийского моря поселением (Kulikauskas, 2003, 309–310; Ibsen, Frenzel, 2010, 52–56). Точное местонахождение предполагаемого поселения Линкунен (Ржевское), связанного с исследованным К. Энгелем грунтовым могильником скальвов, обладающем полиэтническими чертами), также остаётся неизвестным².

Именно на могильниках, относимых к предполагаемым торгово-ремесленным

² «Неподалёку от г. Немана обследованы два поселения и грунтовый могильник Ржевское (ранее Линкунен), оставленный в I–XIII вв. родственным пруссам племенем скальвов» (Кулаков, 1984, 16). Из сообщения не ясно, о каких именно поселениях идёт речь, также как и неизвестно об итогах обследования данным автором гр. мог. Ржевское (Линкунен).

центрам – Кауп–Вискаютен и Линкунен ещё до Второй мировой войны были отмечены находки типов украшений, свойственных для куршей IX–X вв. Среди них выделяется мужское погр. № 151а. кург. мог. Кауп, включавшее арбалетовидную фибулу с маковидными окончаниями пружины. В нескольких километрах к востоку от упомянутого памятника на гр. мог. Бледау (Сосновка) в погр. № 1 был обнаружен инвентарь, характерный как для мужских, так и женских куршских погребальных комплексов конца VIII–IX/X вв. На гр. мог. скальвов Линкунен К. Энгелем было обнаружено погребение № 8 (совместное мужское и женское?), которое наряду с многочисленными предметами вооружения включало полный комплекс находок, в том числе миниатюрный набор для плетения, плоскую перекладчатую фибулу IV подтипа (Bliujiēnė, 1999, 99), характерных для куршских женщин рубежа IX–X вв. (Engel, 1931a, 321–323; Mühlen, 1975, 144–145, Taf. 36, 54, 55:1). Состав женского инвентаря только последнего погребения не вызывает сомнения в его куршской принадлежности, поскольку археологические памятники скальвов IX – начала XIII вв. посредством торговли и других социообразующих факторов могли быть вовлечены в сферу влияния куршской культуры (Hoffmann, 1941, 8, 148).

Здесь следует добавить, что несколько фрагментированных арбалетовидных зооморфных фибул, распространенных у куршей в VIII–IX вв., находясь в фондах Калининградского Областного Историко–Художественного Музея, попав сюда из археологической коллекции музея «Пруссия». Места находок последних достоверно не известны, предположительно – территория современной Западной Литвы (Рис. 3).

Некоторые виды более поздних украшений получили в научной литературе определение «куршских», как, например, подковообразные фибулы со звёздчатыми окончаниями и связанные с ними кольцевые шарнирные фибулы XI–XIII вв. (Кулаков, 1990, 25; Kulakov, 1994, 107). В данном случае отождествление определённого типа украшений с конкретным этносом кажется неточным. Введённые в научный оборот довоенными немецкими исследователями как «Hufeisenfibeln mit sternförmigen Enden» (Hoffman, 1941, 67) и известные также в германоязычной литературе как «Ringfibel. Typ 3b³» (Thynmark-Nylén, 2000, 304, 675, 739), эти фибулы и их подтипы неравномерно распространены практически по всему региону Балтийского моря, группируясь на территории западных балтов и на Готланде. При этом исследователи древностей региона считают находки таких фибул на западном и северо–восточном побережьях Балтийского моря неоспоримым фактом западно–балтского культурного влияния (Nerman, 1931, 169, Fig. 15, 17; Žulkus, 1997, 175–177; Mägi, 2002, 102, 177). По классификации подковообразных фибул А. Карлссона данные застёжки относятся к типам TRA:KSV/LA, TRA:HSV/LA, а также TRA:JSVFO/LA и TRA:HSVFO/LA (для фибул с соединяющимися звёздчатыми окончаниями) и генетически восходят к более ранним типам TRA:KSV и TRA:HSV (Carlsson, 1988, 24–29). Общая датировка рассматриваемых здесь фибул для Готланда определяется А. Карлссоном в рамках XI – середины XII вв. То же относится и к кольцевым шарнирным фибулам типа Carlsson SLU:/LA, датируемых данным автором XI – началом XII вв. (Carlsson, 1988, 73–75).

Литовские исследователи датируют

³ „Ringfibel mit Endknäufen von umgekehrt pyramidaler Grundform. Typ 3b“.

Рис. 3. Фибулы VIII–IX вв., характерные для куршей, из собрания музея «Пруссия»: 1 – КГОМ 16421.30, 2 – КГОМ 16421.154. Места находок неизвестны. Фото Р. Широухова.

подковообразные фибулы со звёздчатыми окончаниями («pasaginēs segēs žvaigždiniais galais») также XI–XII вв. (Lietuvos, 1978, 54–55; Bliujienė, 1999, 128; Žulkus, 2004, 167–168). Та же датировка применяется и к кольцевым шарнирным фибулам («žiedinēs segēs») (Lietuvos, 1978, 66; Stankus, 1995, 21–22, 57–58). В последних работах латышских археологов подковообразные фибулы со звёздчатыми окончаниями («pakavsaktas ar redžu galiem») датируются второй половиной XI–XII вв. (Zariņa, 2006, 281; Vaska, 2008, 117–118).

В русскоязычной археологической литературе, представленной работами В. И. Кулакова, данные украшения получили название «куршские шарнирные фибулы» или «подковообразные фибулы куршского типа» (подтип 7, варианты 7.1 и 7.2), датируемые также XI – началом XII вв. (Кулаков, 1990, 25; 1999, 213–239).

Типологически данные застёжки обычно подразделяются на фибулы с отдельными и соединяющимися перемычкой звёздчатыми окончаниями–головками, по креплению иглы – на фибулы с иглой, крепящейся снизу корпуса, и на фибулы, игла которых крепится обычным способом, а именно – обвивает корпус фибулы. На более ранних фибулах игла не закреплена, но позже фиксируется на корпусе фибулы специальной конструкцией (Vaska, 2008, 117).

Прототипы таких фибул, скорее всего, появляются на острове Готланд и уже отсюда распространяются на восточное побережье Балтийского моря, где приобретают свои локальные черты.

Самым распространённым подтипом таких фибул в куршских землях считаются крупные⁴ образцы с головками–навершиями на высоких ножках и фиксированной иглой (условно – подтип I). В настоящее время в

⁴ Диаметр корпуса до 8,5–9 см, размеры звёздочек–головок до 2,5x2,5 см, вес – 80–90 гр.

ареале южных и северных куршей, куронизированных ливов, а также соседних с ними земгалов, занимаемых сегодня Литвой и Латвией, известно более 150 находок таких фибул (Lietuvos, 1978, 54–55; Stankus, 1995, 57; 2002, 210; Asaris, 1996, 40; Žemgaliai, 2005, 60–61, 86; Zariņa, 2007, 281–282; Vaska, 2008, 117; Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008, 125; Apuolė, 2009, 160–161; Kuršiai, 2009, 184–210, 270–386). В некоторых случаях корпуса фибул покрыты орнаментированными серебряными пластинками, закреплёнными между горизонтальными декоративными рёбрами (Bliujienė, 1999, 128). Следует отметить, что в прусских землях нам известно только две случайные находки фибул подтипа I – это фрагмент корпуса с фиксированным креплением иглы, найденный В. И. Кулаковым на гр. мог. Клинцовка–1 (Ирзекапинис) в процессе исследований 1977–78 г., и возможно, звёздчатое навершие–головка фибулы, найденное случайно в ходе осмотра распаханного поля на неизвестном прусском гр. мог. около бывшего Экриттен (в районе современного Ветрово), по форме и размеру соответствующее подтипу I (Рис. 4:1–2).

Таким образом, подковообразные фибулы со звёздчатыми окончаниями подтипа I без сомнения относятся к одному из важнейших индикаторов куршской культуры, что неоднократно подчёркивалось другими исследователями (Asaris 1996, 39–40; Žulkus, 2004, 168). В прусских землях редкие образцы этих украшений могли оказаться как в качестве импорта, попавшего сюда через торгово–ремесленные центры, либо прибыть вместе с представителями куршского этноса. Для доказательства последнего нам явно не хватает контекстной информации.

Ко II подтипу отнесём подковообразные фибулы со звёздчатыми окончаниями и иглой, крепящейся на шарнире с обратной стороны корпуса. Здесь выделяются два варианта – вариант II.1 – с отдельными

Рис. 4. Подковообразные фибулы со звёздчатыми окончаниями I (1–2), II.2 (3–6) подтипов и кольчатые шарнирные фибулы (7–10) XI – первой половины XIII вв., найденные на территории пруссов: 1 – Клинцовка–1 (Ирзекапинис), сл. н., КГОМ. 9772.310, 2 – гр. мог. у бывшего Экриттен, сл. н., КГОМ 18019. 2, 3 – Алейка–3, погр. № 339, КГОМ 1808.1, 4 – Кляйнхайде, сл. н., КГОМ 15825.11, 5 – Шоссейное–1, сл. н., КГОМ 17896.12, 6 – Клинцовка–1 (Ирзекапинис), погр. № 39, КГОМ 10709.82, 7 – Черепаново (Повайен, Самбийский полуостров), сл. н., КГОМ 18017.2, 8 – Шульштайн (?), из коллекции музея «Пруссия», КГОМ 17928.7, 9 – Шоссейное–1, сл. н., КГОМ 17896.9, 10 – Клинцовка–1 (Ирзекапинис), погр. № 16 (?), КГОМ 10709.68. Фото Р. Широухова.

звёздчатыми окончаниями, и вариант II.2 – с окончаниями, соединяющимися перемычкой. Период распространения этих фибул также характеризуется XI–XII вв. (см. выше), но в некоторых случаях становится возможным и дальнейшее их использование в течение всего XIII в., на что указывает присутствие отдельных находок фибул варианта II.2 на балтских некрополях XIII–XV вв. (Schiefferdecker, 1871, Taf. VI; Rickevičiūtė, 2003, 205–206). Кроме того, факт находок фибул варианта II.2 в отдельных «позднеязыческих» ингумациях пруссов может свидетельствовать о более поздней датировке этих украшений (см. ниже).

На сегодняшний день на территории Литвы известно 13⁵ находок фибул варианта II.2, 8 из них на территории куршей, 3 – на памятниках земгалов (Lietuvos, 1978, 66; Žiemgaliai, 2005, 86; Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008, 125; Kuršiai, 2009, 321–324). На территории Латвии, включая все племенные ареалы, известно более 60 фибул подтипов I–II (в основном на территории куршей), из них фибулы вариантов II.1 и II.2 составляют незначительную часть (Мугуревич, 1965, Таб. XXVIII; Latvijas, 1974, Tab. 18; Vaska, 2008, 117–118).

На Готланде фибулы II типа также известны в количестве не более 15 единиц, включая только 2 фибулы варианта II.2 (Carlsson, 1988, 29, 227, 229).

Наибольшее на сегодняшний день количество фибул II типа и особенно варианта II.2 найдено на территории пруссов. Известно, по меньшей мере, около 60 таких фибул и их фрагментов, найденных на 19 грунтовых могильниках XI–XIII вв., среди

которых исследованные во второй половине XX в. Клиновка–1 (Ирзекапинис), Доллькайм (Коврово), Шоссейное–1, Алейка–3, Кляйнхайде, Геройское–5 (Айслиттен), Митино (Штангау) и др. (Kulakov, 1994, 114; Скворцов, 1996š; Кулаков, 1999, 213–258; Зубарев, 2003š; 2004š; Кулаков, 2004, 31, 124, 132; Скворцов, 2006š; 2007ša; 2007šb; Скворцов, 2010, 62–64) (Рис. 4:3–6).

Единичные находки фибул варианта II.2 известны в ятвяжских землях (Engel, Iwanicki, Rzaszotarska-Nowakiewicz, 2006, 199). На территориях Эстонии и Финляндии пока известны находки только «звёздчатых» фибул I подтипа (Kivikoski, 1973, 97, Taf. 79, Abb.703; Mägi, 2002, 102).

Добавим, что все подковообразные фибулы со звёздчатыми окончаниями, относимые ко II типу, и обнаруженные на грунтовых могильниках XI–XII вв. куршей, пруссов, земгалов и готландцев, были найдены в различных, соответствующих упомянутым этносам погребальных комплексах. Так все известные нам находки фибул варианта II.2 в куршском ареале были осуществлены в одноярусных безурновых, как женских, так и мужских, кремациях XI–XII вв. (Tautavičius, 1962ša, 156–165; 1962šb, 40–77, 160–163; Kuršiai, 2009, 322–324). Основной массив фибул этого подтипа на прусских погребальных памятниках был найден в контексте мужских (?) двухъярусных безурновых кремаций XI–XII вв., включающих погребение коня в нижней части ямы, и сопровождаемых типичным для пруссов XI–XIII вв. погребальным инвентарём⁶. Исключение здесь составляет открытое К. Н. Скворцовым на гр. мог. Алейка–3 погребение –

⁵ Гр. мог. Кармелава (1), Клайшяй (1), Лаздининкай (1), Павирвите–Гудай (1), Паланга (4), Пярнарава (1), Пришманчяй (2), Якштайчяй (1) а также случайная находка у городища Лайстай (MLIM 67.625).

⁶ На гр. мог. Клиновка–1 (Ирзекапинис) фибулы II–III подтипов и их фрагменты были найдены в погр. № 4, 5, 8, 11, 16, 37, 39, 64, 80, 107, 130 (не считая случайных находок в раскопах 1–2) (Кулаков, 1977š, 15–22, Рис. 75, 80, 91, 107; 1978š, 15, Рис. 51; 1980, 212–242; 1999, 215–258).

ингумация № 339, включавшее в себя фибулу варианта II.2, с остатками покрытия орнаментированными пластинками из белого металла (Скворцов, 2006š, 78) (Рис. 4:3). Многочисленные находки фибул подтипа II.2. в верхних ярусах кремаций, разрушенных распашкой (Алейка–3, Геройское–5 (Айслиттен), Доллькайм (Коврово), Кляйнхайде, Митино (Штангау), Шоссейное–1 и др.), подчёркивают тезис о массовости этих украшений для пруссов (Engel, La Vaume, 1937, 192, Abb. 43).

Все известные нам фибулы подтипа I, найденные в ингумациях земгалов XI–XII вв., а также фибулы варианта II.2, найденные случайно в зонах разрушенных ингумаций, относятся к женским погребальным комплексам (Vasiliauskas, 1999, 88; Žemgaliai, 2005, 60–61, 86; Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008, 125). Появление этих фибул в составе погребального инвентаря земгальских женщин справедливо связывается с влиянием материальной культуры куршей, особенно на таких сопредельных могильниках, как Павирвите–Гудай (Vaškevičiūtė, 2004, 69). На Готланде с XI в. также начинает преобладать обряд ингумации, связанный здесь в первую очередь с процессами христианизации скандинавского региона. Таким образом, все фибулы подтипов I и II, найденные здесь в контексте погребальных комплексов, относятся к ингумациям XI–XII вв. (Carlsson, 1988, 106; Thunmark-Nylén, 2000, 304, 698).

То же относится и к кольцевым шарнирным фибулам с аналогичным корпусом, разделённым на поля горизонтальными выпуклыми рёбрами. Данный подтип (подтип III) фибул появляется практически одновременно с фибулами подтипа II и

существует на протяжении всего периода XI–XII вв. Учитывая замечание К. Энгеля, касающееся кольцевых шарнирных фибул и фибул варианта II.2, последние могут использоваться и в «раннеорденский период», т. е. в XIII/XIV вв. (Engel, 1931a, 323; Carlsson, 1988, 73–74).

Наибольшее количество находок данных фибул известно в этнических ареалах пруссов и куршей, а также на острове Готланд. Единичные находки фибул подтипа III известны на территории скальвов и предполагаемого скаловско–надравского пограничья (Engel, 1931a, 322). На территории Готланда известно 10 находок таких фибул (Carlsson, 1988, 38), в Литве – 17 экз.⁷ (Sadauskaitė, 1959, 65; Lietuvos, 1978, 66; Urbanavičius, 1988, 40, 43; Budvydas, 2006, 111; Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008, 131), несколько экземпляров было найдено на территории Латвии (также на территории даугавских ливов)⁸ (Katalog, 1896, Taf. 19:2). На территории исторической Пруссии (в основном – Самбийский полуостров) известно около 20 фибул подтипа III, не считая фрагментов (Bezenberger, 1914, 170–171; Кулаков, 1999, 222; Зубарев, 2003š; 2004š; Скворцов, 2006š; 2007ša; 2007šb; 2009; 2010, 64; Археологические, 2008, 238, 241, 386; Ibsen, Frenzel, 2010, 55) (Рис. 4:7–10). Отдельные находки фибул III подтипа известны и на территории современной Эстонии (остров Сааремаа) (Mägi, 2002, 42, 102, 177). Как и в предыдущем случае, все известные нам контекстные находки данных фибул соответствуют типам погребений, преобладающих в том или ином этническом ареале.

Будучи наиболее популярными у пруссов и куршей (Engel, La Vaume, 1937, 192, Abb.

⁷ Из них 8 экз. на грунтовых могильниках Центральной Литвы – Саргенай и Вешвиле.

⁸ Могильники Долес Вампинешы–I, погр. № 148 (LNVM VI 124), Долес–Вампинешы–II, погр. № 106 (LNVM VI 144), Икшкилес Зарини, погр. № 32 (LNVM VI 152: 341) – информация предоставлена Р. Спиргисом.

43), фибулы подтипов II и III распространены в зоне контактов между западными балтами и скандинавами. Не имея достаточно данных, трудно отнести тот или иной вариант этих фибул к какому-либо конкретному западно-балтскому этносу. Очевидно, что производственные центры этих видов украшений могли существовать, прежде всего, на территории Самбии, а также в Южном и Северном Курше. Отсюда эти фибулы попадают на Готланд и другие территории на западном и северо-восточном побережье Балтийского моря. За недостатком контекстной информации погребений остаётся неясным, где ранее всего возникают рассматриваемые подтипы фибул. До сих пор недостаточно проработана хронология этих видов украшений для пруссов и куршей. Ссылки на готландские датировки в случае западных балтов (Кулаков, 1990, 25; 2010а, 196, 204) кажутся недостаточно корректными.

Скорее всего, в случае с фибулами подтипов I–III мы имеем дело с западно-балтскими типами украшений, развившимися от готландских прототипов или под их влиянием. Таким образом, распространившись позже в виде импорта на территории Готланда, южной Скандинавии и в других областях Балтийского моря, эти фибулы становятся характерной деталью культуры данного региона XI–XIII вв.

Подковообразные фибулы с расширяющимися окончаниями характерны для куршских кремаций X–XIII вв. обоих полов и являются гендерно нейтральными (Kuršiai, 2009, 243–245, 257–259, 281–283, 342–343). Находки подковообразных фибул с расширяющимися окончаниями на территории исторической Пруссии немногочисленны. Кроме фибулы из погр. № 62 гр. мог. Клинцовка-1 (Ирзекапинис), представленной индивидуальной формой декора (КГОМ 12325.19) (Кулаков, 1999, 239), такие

застёжки и их фрагменты, украшенные спиралевидным и геометрическим орнаментом (4 экз.), были обнаружены на некрополях XIII–XV вв. Штангенвальде (2) и Альт-Велау (2) (Schiefferdecker, 1871, Taf. VI; Photographisches, 1880, Taf. 16; Engel, 1931b, Abb. 15; Валуев, 1999ж, Рис. 247:5; 2003, 111). Сходные фибулы со спиралевидным (растительным?) орнаментом известны с куршских могильников Пришманчяй (LNM EM 3:4) и Йонишкес (Jonischken), а также с городища Апуоле (Hoffmann, 1941, Taf. VIII:y; Apuolė, 2009, p. 160–161) и других районов Литвы (Montvilaitė, Ožalas, 2007, 187, Pav. 3; Svetikas, 2009, 152). У земгалов (гр. мог. Павирвите-Гудай) подобные фибулы датируются концом XII–XIII вв. (Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008, 128, Pav. 49, 121). Две подковообразные фибулы с расширяющимися окончаниями были найдены на некрополе скальвов XIII–XIV вв. Рагнит (Неман) (Археологические, 2008, 372–373). Также известны случайные находки трёх таких фибул (без декора) на территории исторической Надравии – с неизвестного ранее памятника у города Гусев (Рис. 5). Некоторые подтипы этих фибул могли быть изготовлены местными мастерами в различных землях пруссов, скальвов и др., остальные – быть частью куршского импорта. Находки этих фибул в землях пруссов нуждаются в систематизации и пересмотре в контексте археологических комплексов, где последние были найдены.

Яркий индикатор куршской культуры XI–XII вв. – подковообразные фибулы с маковидными окончаниями, широко распространённые в южном Курше (Žulkus, Klimka, 1989, 28; Bliujienė, 1999, 130–131) и практически неизвестны в прусских погребальных материалах XI–XII вв., кроме их отдельных обломков-головок, служивших в качестве грузиков для весов. Находки последних известны в погребениях № 34 и № 68 гр. мог. Клинцовка-1 (Ирзекапинис)

Рис. 5. Подковообразные фибулы с расширяющимися окончаниями второй половины XI – XIV вв., найденные на территории пруссов и их соседей: 1 – Клинцовка–1 (Ирзекапинис), погр. № 62, КГОМ 12325.19, 2, 3 – Гусев (Гумбиннен), сл. н., ч. к., 4 – Штангенвальде, 5 – Альт-Велау (Валуев, 2003, Илл. 4:8, рис. С. Коваль). Фото Р. Широухова (кроме 4, 5).

(Кулаков, 1999, 226–227, 241). Кроме того, головки таких фибул были найдены на гр. мог. Посриттен (Gaerte, 1929, Abb. 269:c) и в подъёмном материале памятника у города Гусев, а также на гр. мог. у бывшего Экриттен, и на грунтовой части мог. Кауп (Кулаков, 2010а, 194–203). Практика использования головок–обломков подковообразных фибул с маковидными навершиями в качестве весовых единиц была довольно распространённой и у куршей⁹. Судя по находке нескольких фрагментов (головки)

таких бронзовых фибул в сезоне 2006 г. на гр. мог. Алейка–3¹⁰ (Скворцов, 2007ša), а также на месте разрушенного песчаным карьером гр. мог. Шоссейное–1 (Скворцов, 2007šb) и подъёмному материалу с гр. мог. Геройское–5 (Айслиттен) (Зубарев, 2003š; 2004š) количество подковообразных фибул с маковидными окончаниями при планомерных исследованиях прусских грунтовых могильников должно увеличиться. Тем более, что находки таких фибул известны в материалах памятников исторической Пруссии орденского периода. Подковообразные фибулы с маковидными навершиями были обнаружены на Куршской косе – поселение Кораллен–Берг и некрополь Штангенвальде (Schiefferdecker, 1873, Taf. IV; Photographisches, 1880, Taf. 16; Engel 1931b, Abb. 15; Кулаков, 2008, 52). Кроме того, схожие фибулы XIII–XIV вв. были найдены в женских погребениях XIII–XIV вв. некрополей пруссов и скальвов Альт–Велау и Линкунен (Валуев, 2003, 109; Археологические, 2008, 381), а также в поздней зоне гр. мог. скальвов Шплиттер (Gaerte, 1929, 229) и на поселении надравов Тимофеевка–Камсвикус (Калашников, 2009, 20, Рис. 6) (Рис. 6).

Более распространённые у куршей и пруссов типы подковообразных фибул, такие как со спиралевидными (цилиндрическими), четырёхугольными, многогранными и зооморфными окончаниями нуждаются в отдельном специальном исследовании.

Среди других фибул, встречающихся как на территории пруссов, так и в куршском ареале, выделяются плоские шарнирные фибулы различных форм. Так, плоские шарнирные фибулы круглой формы известны как в прусских, так и куршских безурновых кремациях XI–XIII вв. Лицевая часть этих фибул обычно покрыта пластинами из белого

⁹ Погр. № 227 гр. мог. Паланга (Kuršiai, 2009, 192), гр. мог. Греже (LNM AR 185:172).

¹⁰ P–49, погр. № 511, 517.

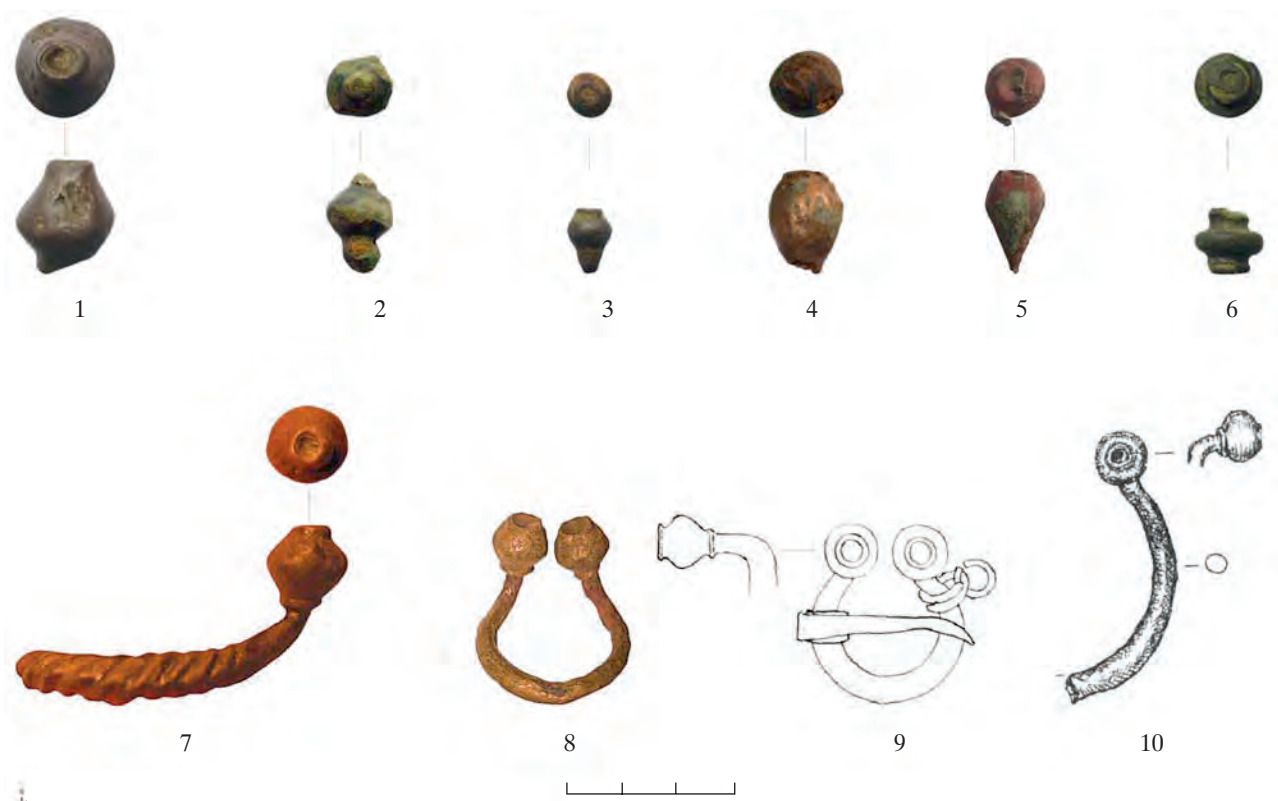

Рис. 6. Подковообразные фибулы с маковидными окончаниями второй половины XI – XIV/XV вв. и их фрагменты (головки-грузики), найденные на территории пруссов, надравов и скальвов: 1–3 – гр. мог. у бывшего Экриттен, сл. н., КГОМ 18019.5, 18019.6, 18019.7, 4 – Алейка–3, погр. № 511, КГОМ 17954.39, 5 – Алейка–3, погр. № 517, КГОМ 17954.31, 6 – Гусев (Гумбиннен), сл. н., ч. к., 7 – Геройское 5 (Айслиттен), архив Н. Зубарева, 8 – Альт-Велау, КГОМ 16628.6, 9 – Линкунен, 10 – Тимофеевка (Камсвикус). Фото Р. Широухова (кроме 7, 9, 10).

метала, в некоторых случаях орнаментированными (Bliužienė, 1999, 117). Данные застёжки отличаются размерами. Либо это крупные фибулы диаметром 4–4,7 см, либо меньшего размера – диаметром 2,8–3,5 см. В южном Курше такие фибулы были найдены на гр. мог. Греже (LNM AR 185:1270, 1413), Пришманчяй (LNM AR 3:293), а также в погр. № 189 гр. мог. Паланга, в погр. № 16 гр. мог. Лайвяй и погр. № 77 гр. мог. Генчяй–I (Bliužienė, 1999, 117; Kuršiai, 2009, 356–357). На территории северного Курша находка плоской круглой фибулы известна в погр. № 1 гр. мог. Грамздес Дарзниеки (LNVN V 7580:6). На прусских погребальных памятниках Самбийского полуострова эти фибулы были найдены в погр. № 28а на гр. мог.

Клинцовка–1 (Ирзекапинис) (Кулаков, 1999, с. 225), на гр. мог. Кляйнхайде, Шоссейное–1, (Скворцов, 1996š; 2007šb), Геройское–5 (Зубарев, 2004š), Шульштайн (Gaerte, 1929, 230), а также на гр. мог. у бывшего Экриттен и грунтовой части кург. мог. Кауп (Кулаков, 2010, 194–203). Кроме того, находка плоской шарнирной фибулы круглой формы известна на памятнике у города Гусев (Рис. 7).

Как и в случае с подковообразными фибулами со звёздчатыми окончаниями подтипа II все упомянутые плоские шарнирные фибулы круглой формы у пруссов, а также у северных и южных куршей были найдены в безурновых кремациях, чей инвентарь соответствует по большей части устоявшимся погребальным традициям своей

территории. Комплексы, подобные погр. № 28 гр. мог. Клинецовка–I (Ирзекапинис), представленным двухъярусным погребением по обряду безурновой кремации и датируемым В. И. Кулаковым концом XI в. (Кулаков, 1999, 225); «символическому» погр. кремации (?) № 3 мог. Греже, датируемому концом XII – началом XIII в. (Kuršiai, 2009, 356–357) и погр. № 1 мог. Грамздес Дарзниеки (LNVM V.7580), совершённого по обряду кремации и датируемого XI–XII вв. (Muižnieks, 2008, 86; Kuršiai, 2009, 445), являются погребениями, характерными в первом случае для пруссов, во втором – для куршей конца XI – первой половины XIII вв. Таким образом, плоские шарнирные фибулы округлой формы характерны как для куршской, так и для прусской культуры конца XI – первой половины XIII вв.

Другим распространённым у куршей вариантом плоских шарнирных фибул являются так называемые «крестовидные» или «четырёхлистные» фибулы. Данный тип фибул с подтипами считаются наиболее поздними плоскими шарнирными фибулами, распространёнными у куршей, ламатов, скальвов и датируются IX/X–XII вв. (Volkaitė-Kulikauskienė, 1970, 167; Lietuvos, 1978, 68–69; Bliujienė, 1999, 122–123). Отдельные подтипы таких фибул сохраняются до XIII в. (Šturms, 1936, 82; Mugurēvičs 1990, 174, Fig. 10.5; Kulakov, 2006, 155, Abb. 3.1; Žulkus, 2007, 352, Fig. 184:7; Kuršiai, 2009, 217)¹¹.

В процессе полевых исследований 1990–2000-ых годов на территории грунтовых могильников пруссов (Самбийский полуостров), а также сопредельных территориях (Куршская коса, Надравия) было найдено несколько экземпляров четырёхлистных фибул, среди которых выделяются и индивидуальные формы. К сожалению, все находки

Рис. 7. Плоские шарнирные фибулы круглой формы второй половины XI – XII/XIII вв., найденные на территории пруссов и надравов: 1 – гр. мог. у бывшего Экриттен, сл. н., КГОМ 18019.1, 2 – Клинецовка–I (Ирзекапинис), погр. № 28а, КГОМ 17567.30, 3 – Гусев (Гумбинен), сл. н., ч. к. Фото Р. Широхова.

четырёхлистных плоских шарнирных фибул были произведены на разрушенных интенсивной распашкой верхних ярусах памятников Доллькайм (Коврово), Айслиттен (Геройское–5), а также около города Гусев (Гумбинен). Немного отличная по форме четырёхлистная фибула была найдена на гр. мог. Шоссейное–1 (Скворцов, 2007šb). Последняя схожа по форме с экземпляром,

¹¹ Озеро Талсу Вилкумуйжа (LNVM V 8571.71), поселение Кораллен–Берг (МПНПКК 119.174.1), гр. мог. Паланга (MLIM Gek. 50448), Греже (LNM AR 185:963).

Рис. 8. Плоские шарнирные фибулы «клеверовидной» формы второй половины XI – XII/XIII вв., найденные на территории пруссов и надравов: 1 – Долькайм (Коврово), сл. н., КГОМ 18017.1, 2 – Геройское-5 (Айслиттен), сл. н., архив Н. Зубарева, 3, 4 – Шоссейное-1, сл. н., КГОМ 17896.45–46, 5 – Гусев (Гумбинен), сл. н., ч. к. *Фото Р. Широхова.*

обнаруженным В. Жулкусом на поселении Бирутес Калнас (Паланга) (Žulkus, 2007, 352, Fig. 184:7) (Рис. 8). Кроме того, похожая фибула была найдена на поселении Кораллен-Берг (Kulakov, 2006, 155, Abb. 3.1; Кулаков, 2008, 52, Илл. 8). По технологии изготовления (пластина тоньше 0,2 см, крепление иглоприёмника на заклёпке) она ближе к четырёхлистной «клеверовидной» застёжке, найденной в озере Талсу Вилкумуйжа и датируемой Э. Штурмсом «поздним железным веком», т. е. XI – началом XIII вв. (Šturms, 1936, 82, Att. 12:12). Индивидуальная форма четырёхлистной фибулы XI–XIII вв., напоминающая головку крестовидной булавы, была найдена на гр. мог. Хюненберг (Доброе) (Kulakov, 1994, 115, Pav. 2:1). Более

ранние фибулы (IX–X вв.), сходные по форме с навершиями крестовидных булавок различных подтипов, известны и в археологических материалах куршей (к примеру, фибула с гр. мог. Пришманчяй, LNM AR 3:335), а также в древностях южных скальвов – погр. № 25 гр. мог. Линкунен (Engel, 1931a, 324, Abb. 4:y) и земгалов (Vaškevičiūtė, 2004, Pav. 59:9). Подобное украшение из погр. № 1 гр. мог. Бледау (Сосновка) приведено Б. фон цур Мюленом (Mühlen, 1975, 145, Taf. 55:1). К находкам фрагментов крестовидных булавок на территории пруссов мы обратимся ниже.

В настоящее время определить происхождение упомянутых находок из разрушенных верхних ярусов прусских двухъярусных (?) кремаций не представляется возможным. Но

уже один факт присутствия достаточного количества «четырёхлистных» фибул в прусском археологическом материале расширяет наши представления об ареале распространения этих украшений, ранее приписываемого лишь куршам и зонам контактов сопредельных культур: земгалов, ламатов, скальвов (Bliujienė, 1999, 122; Žiemgaliai, 2005, 78, 87–88).

Говоря о других фибулах – индикаторах культуры куршей XI–XII вв., следует назвать поздние варианты плоских перекладчатых фибул (так называемые “flache Armbrustsproben-fibeln”), представляющих собой трапециевидные пластины с выступом, имитирующем спинку фибулы, и несколькими сквозными отверстиями (тип Vaitkuns-kienė–Bliujienė V), довольно распространённых как в кремациях, так и в ингумациях всего куршского ареала, а также известные в ареалах земгалов, ливов, ламатов и скальвов (Insterburger, 1905, Taf. XIII:13,15; Lietuvos, 1978, 47; Bliujienė, 1999, 93–99; Spirgis, 2002, 69; Vaškevičiūtė, 2004, 68). В прусском ареале известна лишь одна случайная находка фрагмента такой фибулы, обнаруженной в зоне распашки (?) у разрушенного хутора близ бывшего Сандиттен (Лунино, Гвардейский р-н.). По мнению автора археологического отчёта, фибула, найденная среди бытового мусора первой половины XX в., могла принадлежать частному музею хозяина усадьбы (Казаченко, 2006š, 8–9) (КГОМ 17749.2) (Рис. 9:1). Другая

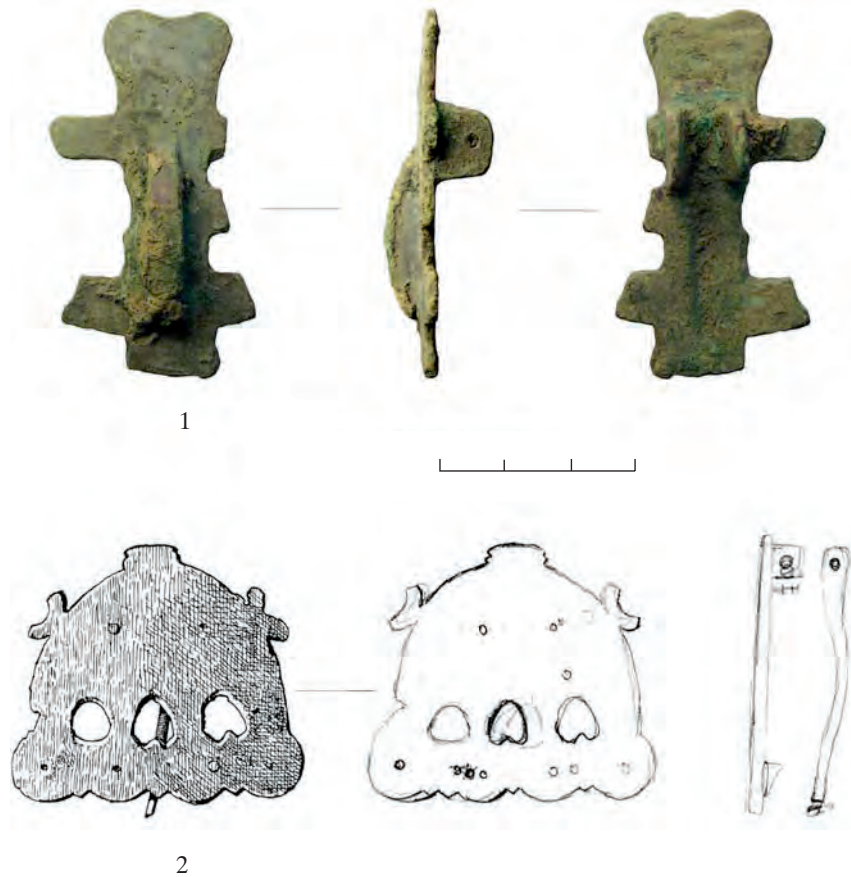

Рис. 9. Плоская перекладчатая фибула V типа (1) и плоская фибула индивидуальной формы (2): 1 – Лунино (Сандиттен), сл. н., КГОМ, 17749.2 (фото Р. Широхова), 2 – Зеефельд (Gaerte, 1929, Abb. 258:b; Wróblewski, 2006, Fig. 7).

ближайшая к пруссам находка плоских перекладчатых фибул типа Bliujienė IV, датируемая XI–XII вв., известна с погр. № 8, гр. мог. Линкунен (Engel, 1931a, 320, Abb. 4:i; Mühlen, 1975, Taf. 54; Bliujienė, 1999, 99). Таким образом, отсутствие находок перекладчатых фибул поздних типов (IV–V) в ареале пруссов может свидетельствовать о том, что последние не характерны для прусской материальной культуры XI–XIII вв. При этом не исключены дальнейшие находки подобных украшений в зонах контактов пруссов, надравов и скальвов.

Плоская шарнирная фибула, найденная на прусском некрополе Зеефельд (Seefeld, Самбия), немного напоминает перекладчатые

фибулы V подтипа (по А. Блюене), и возможно является наиболее поздним вариантом развития подобных застёжек (Heydeck, 1909, 239–240; Gaerte, 1929, Abb. 258:b; Wróblewski, 2006, Fig. 7) (Рис. 9:2). С другой стороны – фибула из Зеefeld по форме схожа с подвесками к крестовидным булавам куршей и земгалов. Прецеденты изготовления фибул из подвесок к булавам известны и у куршей¹².

В продолжение о других типично куршских фибулах VIII/IX–XII вв., пока неизвестных на территории пруссов, следует назвать круглые плоские прорезные фибулы, плоские прорезные фибулы в виде плетёнки либо перекрещивающихся линий (отдельные скандинавские прототипы известны с кург. мог. Кауп–Вискаутен (Mühlen, 1975, Taf. 4:2), овальные фибулы в форме восьмёрки и „S“-видные фибулы. Большая часть известных нам экземпляров упомянутых застёжек происходит с грунтовых могильников южного Курша (Bliujienė, 1999, 114–121).

К другим украшениям пруссов, именуемых в русскоязычной историографии «куршскими», относятся ленточные и другие браслеты с зооморфными окончаниями. Известно несколько находок таких браслетов и их фрагментов на грунтовых могильниках пруссов: Блокен (Осокино) (Peiser, 1919, 360, Abb. 176), Попелкен (Прудовка) (Bezzenberger, 1904, 98, Fig. 131), Шоссейное–1 (с псевдотордированным корпусом) (Скворцов, 2007šb) и у бывшего Экриттен. Три браслета с зооморфными окончаниями – два ленточ-

ных и один с полукруглым сечением, напоминающий по форме экземпляры, характерные для латгалов и селов XI–XIII вв. (Radiņš, 1999, Att. 67; Sēliai, 2007, 160–162), были найдены на поселении надравов Камсвикус (Тимофеевка) (Калашников, 2006, 40; 2009, 19, Рис. 7). Известно также несколько фрагментированных изделий, найденных в контексте одноярусных безурновых кремаций. К последним относятся погр. № 62 и № 80 грунтового могильника Клинецовка–1 (Ирзекапинис) (Рис. 10). Оба погребения, включающие рассматриваемые браслеты, характеризуются В. И. Кулаковым как принадлежащие куршским женщинам комплексы и датируются этим автором первой половиной XI в. (Кулаков, 1999, 238, 243–244). Действительно, ленточные зооморфные браслеты признаны одним из индикаторов куршской культуры X–XIII вв. (Vaska, 1994, 113; Bliujienė, 1999, 167). Браслет из погр. № 62 относится к I подтипу ленточных зооморфных браслетов, браслет из погр. № 80(?)¹³ – ко II подтипу. Оба типа распространены в куршских землях в течение X–XIII вв. (Bliujienė, 1999, 167–168). Может ли факт находки таких браслетов на прусских грунтовых могильниках свидетельствовать о присутствии здесь представителей куршской культуры?¹⁴

В отличие от погр. № 62 и № 80 гр. мог. Клинецовка–1 (Ирзекапинис), малоинвентарных и стратиграфически невыразительных, куршские женские кремации X–XII/XIII вв. отличаются большим разнообразием и богатством погребального инвентаря, а также

¹² Экземпляры с погр. № 11 и 172 гр. мог. Генчяй (Bliujienė, 1999, 123, Pav. 52:3), и возможно – украшение из погр. № 4 гр. мог. Валгалес Веги (Muižnieks, 2008, Abb. 7:4).

¹³ Браслет находится в фондах КОИХМ (№ 12832.75), где атрибутирован как «находка вне погребальных комплексов» (Акт № 56 от 27.02.1987).

¹⁴ Вопрос о прусских женских погребениях X–XIII вв. остаётся до конца нерешённым. На более ранних этапах прусской культуры, в VI – начале VIII вв. женские безурновые кремации, как и «детские» погребения, являются неотъемлемым атрибутом социальной составляющей некрополей (Скворцов, 2010, 34–35), впрочем, как и женские ингумации на более поздних этапах существования прусской культуры конца XIII – XV вв. (Валуев, 2003, 105–108).

Рис. 10. Браслеты с зооморфными окончаниями XI–XIII вв., найденные на территории пруссов: 1 – Клинцовка–1 (Ирзекапинис), погр. № 80 (?), КГОМ 12832.75, 2 – Клинцовка–1 (Ирзекапинис), погр. № 62, КГОМ 12325.20, 3 – Шоссейное–1, сл. н., КГОМ 17896.60, 4 – гр. мог. у бывшего Экриттен, сл. н., КГОМ 18019.3. Фото Р. Широхова.

наличием таких индикаторов куршской культуры, как миниатюрные наборы для плетения, поздних подтипов крестовидных булавок, амулетов–миниатюр и др. (Stankus, 1995, 89–90; 2002, 42; Butėnas, 2002, 25–26; Kuršiai, 2009, 231).

Ленточные зооморфные браслеты встречаются у куршей не только в женских, но и в мужских и детских (мальчики) погребениях (Kuršiai, 2009, 270–274, 306–309, 342–344). А на территории южного Курша (земли Пилсотас, Мегува) они встречаются чаще в мужских погребальных комплексах (Žulkus, Klimka, 1989, 28; Vliujienė, 1999, 167).

Ленточные бронзовые браслеты, покры-

тые геометрическим орнаментом, известны и на более позднем этапе существования прусской культуры – в погр. № 104 (XIII в.) и др. случайных находках могильника – раннехристианского кладбища Альт–Велау (Валуев, 1996š, 56; 1997š, рис. 142:4; 1998š, Рис. 106:12), а также среди случайных находок рубежа XII–XIII вв. с памятника около города Гусев. Находка ленточного браслета, покрытого орнаментом и, возможно, представляющего сильно геометризованную форму браслетов с зооморфными окончаниями, известна также на гр. мог. Шудиттен (Орехово) (Bezzenberger, 1909, 56; Gaerte, 1929, 333). Ленточные браслеты

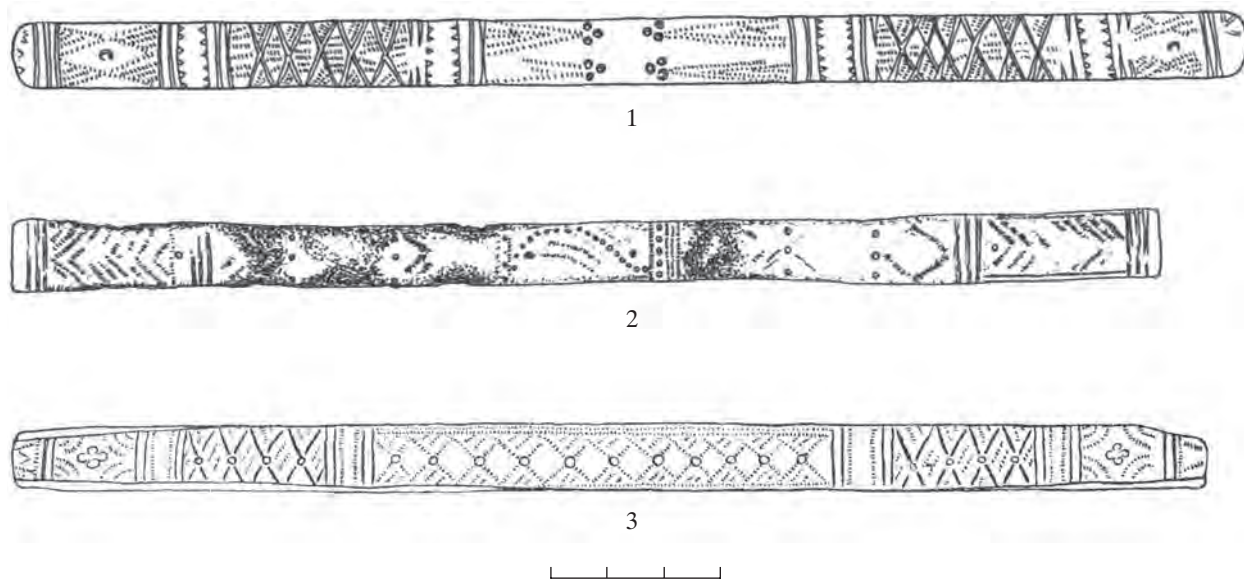

Рис. 11. Ленточные браслеты XII–XIII вв., найденные на территории пруссов: 1 – Альт-Велау, погр. № 104, КГОМ 15648.2 (рис. С. Коваль), 2 – Альт-Велау, сл. н., КГОМ 16312.22 (рис. С. Коваль), 3 – Грачёвка (Краам) (Гуревич, 1960, рис. 48).

рубежа XII–XIII вв., покрытые геометрическим орнаментом, были найдены в ходе раскопок городища Краам–Грачёвка в 1950 г. (Гуревич, 1960, 375, 378, 431). Скорее всего, такие браслеты, характерные и для куршей (Bliujienė, 1999, 174; Kuršiai, 2009, 354, 378, 388) являлись общим видом украшений рассматриваемых здесь этносов в конце XI–XIV вв. (Рис. 11).

Вероятно, находки крестовидных булавок IX/X–XII вв. и их фрагментов в прусских и соседних с ними землях объясняются торговыми связями с куршами и земгалами. Находки целых экземпляров таких украшений ближе всего к пруссам известны на гр. мог. Линкунен (погр. № 71) (Engel, 1931a, Abb. 4:v). Ещё одна крестовидная булавка с гр. мог. Лёбертсхоф (Полесский р-н.), находится в фондах Калининградского Областного Историко–Художественного музея¹⁵. Возможно из наверший таких булавок, или

же имитируя их, были изготовлены упомянутые фибулы с гр. мог. Самбии – Хюненберг (Доброе) (Kulakov, 1994, Pav. 2:1) и Бледау (Сосновка) (Mühlen, 1975, Taf. 55.1). Навершие такой булавки (или повреждённая основа фибулы?) было найдено на пашне у памятника около города Гусев (Рис. 12).

Амулеты, изготовленные из наверший крестовидных булавок, и возможно имитирующие «круцификсы», известны в материалах погребений земгалов (погр. № 119 гр. мог. Якштайчяй) и в материалах могильников Западной Литвы XIV–XV вв. (Žiengaliai, 2005, 192; Svetikas, 2009, 245–246). Подобное перекрестие с остатками на нём кожного шнура было найдено на прусском некрополе Альт-Велау (Валуев, 2000, Рис. 210:11) (Рис. 12:3). Некоторые металлические подвески прусских ожерелий XIII–XIV вв., состоящих также из стекляннопастовых бусин, бронзовых бубенчиков и раковин каури, напоминают по форме

¹⁵ Украшение, со следами пребывания в огне, вероятно было найдено в руинах музея «Пруссия» на месте Кёнигсбергского замка и поступило в краеведческий музей 6 июня 1950 г. с рынка «Ноймарк» Кёнигсберга–Калининграда.

навершия крестовидных булавок (Валуев, 2003, 105,108).

Завершая предварительный обзор украшений, характерных для куршей и распространённых в прусских землях, следует отметить, что основные типы, считающиеся только «куршскими», как крестовидные булавки, плоские перекладчатые фибулы, либо миниатюры-амулеты, в землях пруссов либо отсутствуют, либо их количество незначительно. Учитывая перечисленные факты, прибавим к этому недостаток контекстной информации большинства таких находок, что вместе с имеющимися объективными данными закрытых погребальных комплексов не позволяет нам в полной мере утверждать о значительном влиянии куршской материальной культуры на пруссов в X–XIII вв. Мы имеем возможность говорить лишь об усилении взаимовлияния и интенсивной интеграции западных балтов в социальные и политические процессы региона в период ослабления скандинавской активности и до прихода немецких купцов и рыцарей. Насколько оправдан данный тезис в случае с находками предметов вооружений «куршского» типа на территории пруссов?

Типы вооружений, характерные для прусского и куршского погребального инвентаря

В числе основных типов оружия, распространённых в пределах Самбии-Натангии X–XIII вв. и относимых исследователями к «куршским», находятся мечи типа Kazake-

Рис. 12. Крестовидные булавки и их фрагменты X/XI–XIV вв., найденные на территории скальвов, надравов и пруссов: 1 – Лёбертсхоф, из собрания музея «Пруссия», КГОМ 642.2, 2 – Гусев (Гумбиннен), сл. н., ч. к., 3 – Альт-Веллау, КГОМ 16350.34. Фото Р. Широхова.

vičius T1 и их детали, в первую очередь – перекрестия и навершия рукоятей, а также наконечники ножен. Основные исследования данных предметов вооружения провёл В. Казакевичус (Kazakevičius, 1992, 102–106; 1996, 53–58; 1997, 117–130; 1998, 307–310). Среди новейших работ в этом направлении выделяется работа А. Томсона (Tomsons, 2008, 85–102).

Действительно, общепризнанным центром производства и распространения мечей типа T1 являются земли южного и особенно северного Курша (Kazakevičius, 1996, 53). На сегодняшний день на территории Латвии известно примерно 70 экземпляров мечей типа T1 и их деталей, на территории Литвы – около 30 экземпляров, включая фрагменты (Tomsons, 2008, 87). Второй по количеству находок мечей типа T1 и их деталей, а также наконечников ножен мечей типа Kazakevičius Vb является территория Самбийского полуострова¹⁶. Уже до Второй мировой войны здесь были зафиксированы как минимум 2 находки мечей типа T1 и 8 находок наконечников ножен типа Kazakevičius Vb (Paulsen, 1953, 123; Mühlen, 1975, 142–143, Taf. 13,15; Kazakevičius, 1998, 320–321; Археологические, 2008, 368). В числе послевоенных находок следует назвать экземпляры таких мечей и их детали с гр. мог. Кляйнхайде (Kulakov, 1994, 116, Рав. 5:1; Кулаков, Скворцов, 2000, 50, Рис.12), Шоссейное-1 (Скворцов, 2007šb), гр. мог. около бывшего Экриттен, памятник около города Гусев, гр. мог. Геройское-5 (Айслиттен) (Нигматуллин и др., 2005, 60), а также случайные находки деталей мечей и наконечников ножен «куршского» типа в районе поселения Ушаково (Бранденбург), Бальга (Весёлое), и их подтипов на мог. Кауп (Кулаков, Скворцов, 2008; Широухов, 2011) и в наиболее позднем виде их развития на прусском некрополе XIII–XV вв. Альт-Велау (Валуев, 2003, 110). Кроме того, известно несколько случайных находок с могильников Самбийского полуострова, находящихся в частных коллекциях (Рис. 13).

Зародившийся скорее всего в куршских

землях в XI в. на основе скандинавских образцов (с такими восточными декоративными элементами, как пальметта и процветший крест), тип наконечников Vb получил широкое распространение в балтийском регионе и за его пределами. Орнаментика таких наконечников, основанная на упомянутых элементах, трансформировалась под влиянием балтского мировоззрения и приобрела актуальную для последних форму и содержание, базируясь на представлениях о «мировом древе» и сезонных циклах (Широухов, 2011). Судя по многочисленным находкам на территории исторической Пруссии деталей мечей типа T1 и наконечников ножен типа Vb, а также индивидуальных их форм, производство последних гипотетически могло находиться и в прусских землях¹⁷ (Рис. 14, 15). В виду слабой изученности поселенческого материала пруссов X–XIII вв., нам не известны находки литейных форм и бракованных изделий, в отличие от куршских материалов Латвии (Asaris, 1994, 23–26). Рукояти и навершия мечей типа T1 и наконечники ножен типа Vb могли попасть в Пруссию как в процессе торговых, так и военных операций. Не исключено, что прусские мастера стали производить такие мечи и ножны к ним на основе куршских образцов. Возможно, при дальнейших планомерных исследованиях прусских археологических памятников X–XIII вв. количество находок (особенно контекстных) данных типов вооружения возрастёт, что может повлечь за собой пересмотр теории происхождения и распространения данного вида вооружения.

Следующим ярким примером оружия, встречающегося как в куршских, так и

¹⁶ Širouchovas R., Kuršių kalavijai Vakarų Lietuvoje ir Semboje: jų simbolika ir interpretacija. Доклад региональной научной конференции «Naujas žvilgsnis į Klaipėdos miesto ir krašto istoriją». Клайпеда, Клайпедский университет, 8 мая 2008 г.

¹⁷ В. Жулкус подчёркивает факт общности наконечников ножен подтипа Kazakevičius IV (с двумя птицами) для Самбии и Курша, как свидетельство наличия близких контактов пруссов и куршей в XI в. Наконечники ножен подтипа Kazakevičius Va он рассматривает как материальное обоснование влияния пруссов и куршей на культуру Средней Литвы (Žulkus, 2006a, 22).

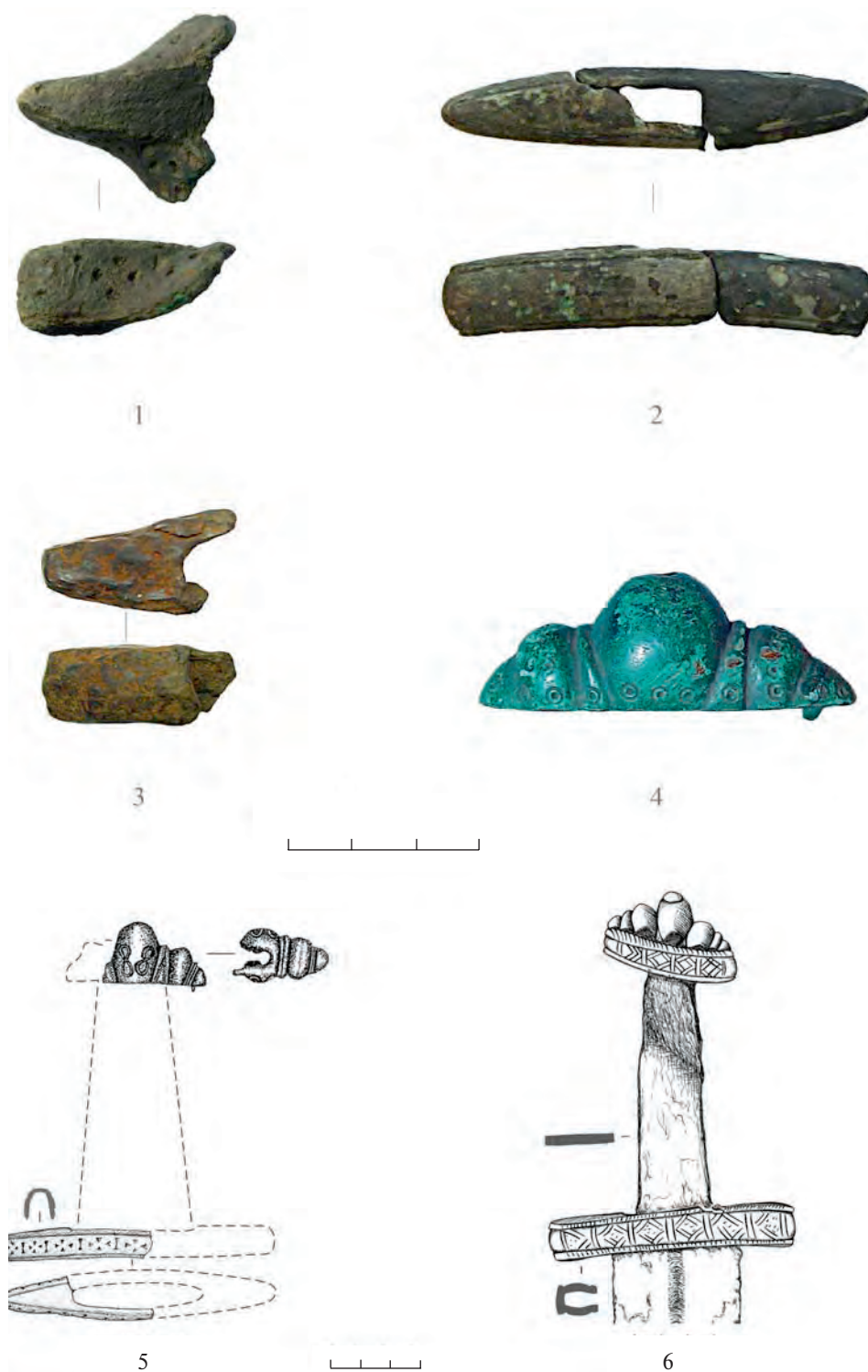

Рис. 13. Мечи типа T1 («куршский») и их фрагменты XI-XIII вв., найденные на территории пруссов: 1 – гр. мог. у бывшего Экриттен, сл. н., КГОМ 18019.4, 2 – Шоссейное-1, сл. н., КГОМ 17896.42, 3 – Гусев (Гумбиннен), сл. н., ч. к., 4 – Ушаково (Бранденбург), сл. н., ч. к., 5 – Кляйнхайде, сл. н., архив. К. Скворцова (рис. А. Дементьевой), 6 – Геройское-5 (Айслиттен), сл. н., архив Н. Зубарева. Фото Р. Широухова (кроме 5, 6).

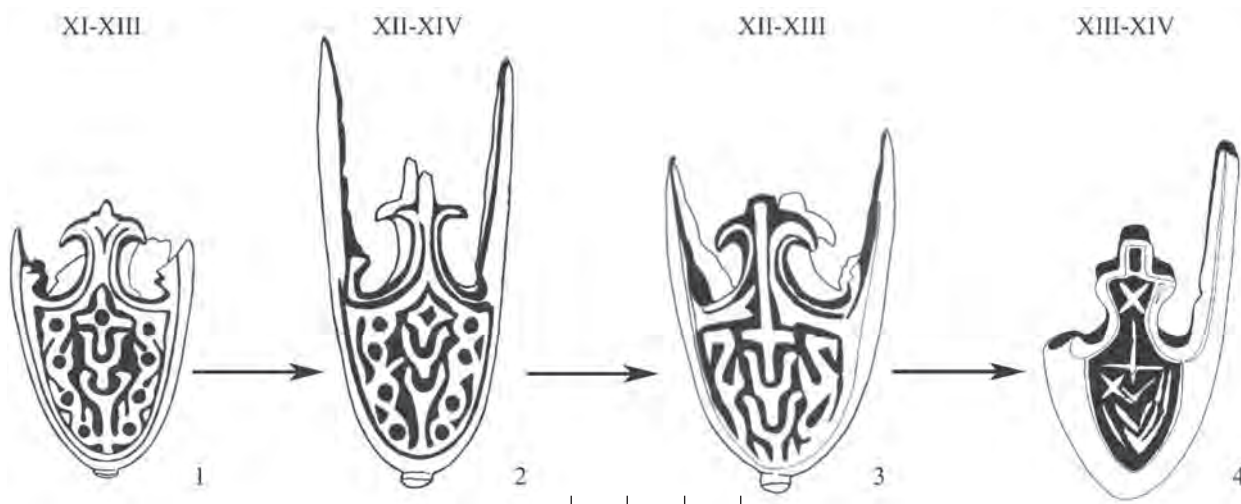

Рис. 14. Вариант эволюции (деградации) стиля наконечников ножен мечей типа Vb по Я. Асарису с дополнениями автора: 1 – Бандужай, погр. 36, МЛМ 47826, 2 – Андудай, из собрания музея «Пруссия» (Р. М. V. 57.6229), КГОМ 1642.170, 3 – Пасильс (Латвия), ГЭ 890/574, 4 – Ушаково (Бранденбург), сл. н. ., ч. к. Рис. Р. Широхова.

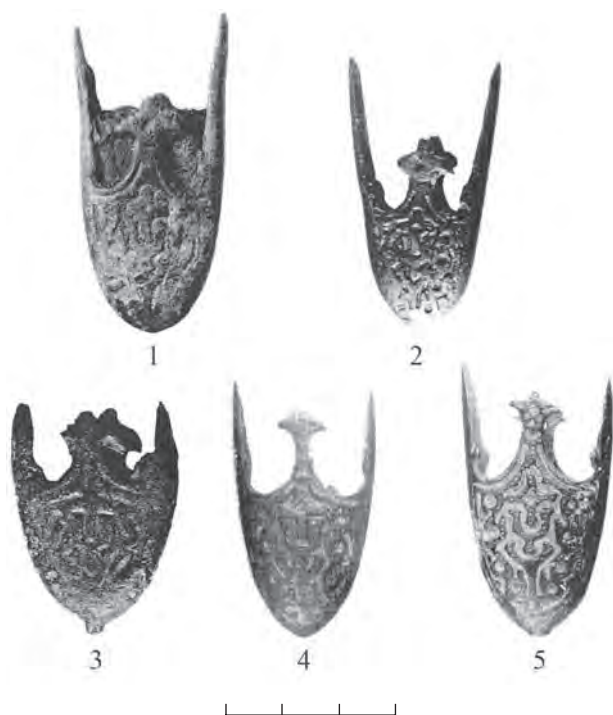

Рис. 15. Наконечники ножен мечей типа Vb XI–XIII вв., найденные на территории пруссов до 1945 г. (из собрания музея «Пруссия»): 1 – Доллькайм (Коврово), 2 – Кауп-Вискаутен, 3 – Шульштайн, 4 – Покирбен, 5 – Меденау (Muhlen, 1975, Taf. 15).

прусских безурновых кремациях X–XII вв., являются широколезвийные топоры типа Petersen M (Petersen, 1919, 46–47, Fig. 45) – тип VII по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966, Рис. 6). Скорее всего, появление топоров данного типа как у куршей, так и у пруссов вызвано южно-скандинавским влиянием (Кулаков, 1990, 32; Stankus, 1995, 94). В ареале северных и южных куршей находки таких топоров в качестве составляющей погребального инвентаря известны на могильниках Бандужай, Генчяй, Гинталишке, Калнини, Лайвяй, Паланга, Сленгяй (Stankus, 1995, 94–95; Kuršiai, 2009, 231). В процессе довоенных исследований на территории Самбийского полуострова было найдено не менее 10 экз. таких топоров¹⁸. К последним находкам широколезвийных топоров относятся экземпляры из погр. № 10 и № 69 гр. мог. Клинцовка–1 (Ирзекапинис) (Кулаков, 1999, 218, 241–242), а также три экземпляра, найденные на поверхности разрушенного карьером гр. мог. Шоссейное–1

¹⁸ Погр. № 6, 29 и 32 гр. мог. Лаптау (Муромское) (Bezenberger, 1914, 163, 176–180; Gaerte, 1929, 343; Kleeman, 1939b, 213; Археологические, 2008, 403–404), а также на гр. мог. Экриттен (Vujack, 1890, 181–182, Taf. XI, XIII), Варгенау (Kleeman, 1939b, 209) и Шульштайн (Wróblewski, 2006, 230). А. Бецценбергер упоминает о находках таких топоров на гр. мог. Шудиттен, а также 2 экз. с территории замка Тильзит (Bezenberger, 1914, 177).

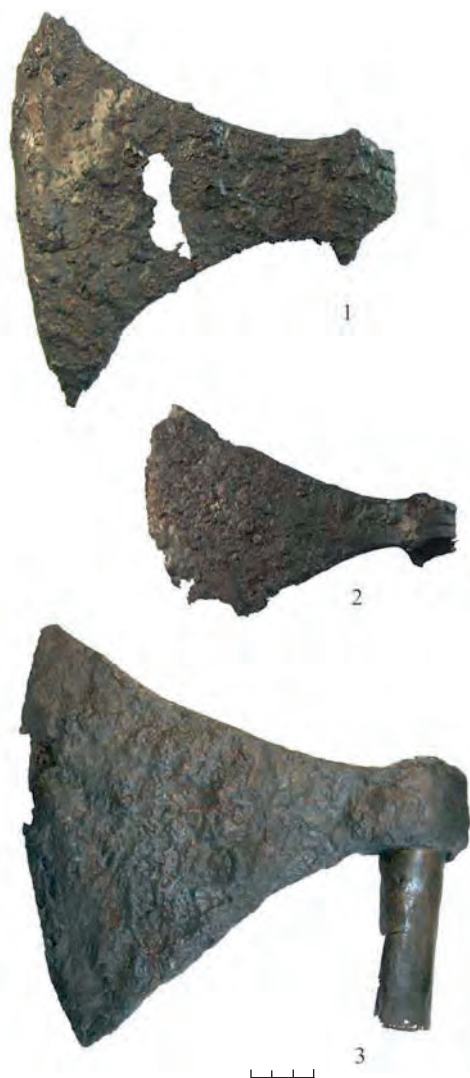

Рис. 16. Широколезвийные топоры типа Petersen M X–XII вв., найденные на территории пруссов: 1 – Шоссейное–1, сл. н., КГОМ 12909.1, 2 – Шоссейное–1, сл. н., КГОМ 12909.2, 3 – Клинцовка–1 (Ирзекапинис), погр. № 10, КГОМ 9772.46. Фото Р. Широухова.

(Скворцов, 2007šb) (Рис.16). Данные топоры обычно датируются X/XI–XII вв. (Bezenberger, 1914, 164; Kleeman, 1939b, 220–223; Кирпичников, 1966, Рис.6; Кулаков, 1990, 32) и являются довольно распространенным видом вооружения как для куршей, так и для пруссов.

Отдельного исследования заслуживают втульчатые наконечники копий, схожие

подтипы которых были распространены в X–XIII вв. и у куршей и у пруссов (Gaerte, 1929, 339–342; Engel, La Baume, 1937, 191–192; Hoffmann, 1941, 18–20, Taf. 1; Кулаков, 1990, 31–32; Stankus, 1995, 94–100; Kuršiai, 2009, 230).

Как мы смогли убедиться, оба этноса в X–XIII вв. использовали схожие типы основных видов вооружений, небольшие различия состоят лишь в распространённости на соответствующих территориях тех или иных подтипов мечей типа Kazakevičius T1, наконечников ножен типа Kazakevičius Vb, топоров типа Petersen M, а также разнообразных вариантов втульчатых наконечников копий и других видов оружия.

Актуальной, в том числе, видится тема сравнительного исследования предметов конского снаряжения, происходящих из различных по конструкции погребальных комплексов куршей и пруссов X–XIII вв.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПРУССОВ X–XIII ВВ. КУРШСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

На сегодняшний день в землях куршей достоверно неизвестно ни об одном мужском двухъярусном погребении, произведённом по обряду безурновой кремации и включающем в себя захоронение коня, характерном для прусской культуры рассматриваемого периода. Это само по себе не отрицает факта присутствия в куршских одноярусных кремациях деталей конской амуниции, а также предметов вооружения и украшений, свойственных и для пруссов. Возникновение большинства рассмотренных типов оружия и украшений, их происхождение и распространение проследить довольно трудно, поскольку мы не обладаем достаточными археологическими данными из предполагаемых торгово–ремесленных центров, где

последние могли бы быть изготовлены (литейные формы, бракованные изделия и их заготовки).

Наибольший интерес в этом контексте для нас представляют погребения, найденные в землях пруссов, и выделяющиеся на основном фоне погребений X–XIII вв. своей конструкцией или особенностями погребального инвентаря. Это могут быть одноярусные кремации, включающие вещи, характерные для куршей и других западных балтов, а также ингумации с подобными признаками. Рассмотрим здесь некоторые из них. Следует добавить, что в землях пруссов лишь небольшая часть из перечисленных типов вещей, характерных для куршской и прусской культур, была найдена в контексте погребений. Значительная составляющая таких находок либо приходится на разрушенные погребальные комплексы, либо происходит из верхних ярусов потревоженных распашкой и другой хозяйственной деятельностью прусских грунтовых могильников.

Выше нами упоминались два предполагаемых «куршских» женских комплекса гр. мог. Клиновка–I (Ирзекапинис) № 62¹⁹ и № 80 (Кулаков, 1999, 243–244) (Рис. 17). Кроме присутствия здесь ленточных браслетов с зооморфными окончаниями, а также фрагмента подкововидной фибулы с расширяющимися окончаниями в первом случае, характерных, в том числе, для мужских и детских погребений куршей, данные погребения ничем не выделяются на фоне остальных комплексов некрополя. С долей вероятности они могут принадлежать к незатронутым распашкой женским одноярусным кремациям пруссов. Также как и погр.

№ 126 гр. мог. Клиновка–I (Ирзекапинис), с отсутствием ярусной структуры и инвентарём, включавшим развал раннегончарного сосуда, фрагменты бронзового блюда, ножницы и нож, и датированное автором второй половиной XI в. (Кулаков, 1999, 258).

К вопросу о женских погребениях пруссов на так называемых прусских «дружинных» могильниках X–XII вв., возвращают погребения могильника Клиновка–I (Ирзекапинис) с двумя и более скоплениями кальцинированных костей в верхнем ярусе безурновых кремаций и свойственным также для женщин погребальным инвентарём²⁰. Возможно, определённый процент женских костных останков захоранивался в верхних ярусах «мужских» двухъярусных кремаций. Сходные групповые кремации характерны и для куршей – мог. Генчяй, Лайвяй, Паланга, Сарайи, Тилтини и др.). В некоторых случаях в куршских мужских погребениях находят предметы, характерные в первую очередь для женщин – к примеру, миниатюрные наборы для плетения (Kuršiai, 2009, 230). Как и в случае находки шиферного биконического пряслица в двухъярусном погр. № 27 гр. мог. Клиновка–I (Ирзекапинис) (Кулаков, 1999, 224–225), вопрос о гендерной и социальной принадлежности подобных погребений у пруссов и куршей остаётся открытым и требует отдельного исследования. Вполне вероятно, что значительная часть женских одноярусных кремаций пруссов X–XIII вв., учитывая небольшую глубину их залеганий и размеры (как в случае с погр. № 62 и № 80 гр. мог. Ирзекапинис) могла быть разрушена при распашке. Как справедливо отметил Г. Забела по поводу появления у ятвягов

¹⁹ В фондах КОИХМ находится сильно корродированное стремя, относимое к данному погребению (КГОМ 12325.24) и поступившее в фонды музея в 1980 г. (Акт № 34 от 07.02.1980). Ни в археологическом отчёте, ни в предварительной публикации памятника информации об этой находке не существует (Кулаков, 1979, 17–18, Рис. 70–72; 1999, 238) (Рис. 17).

²⁰ Погр. № 15, 16, 27, 30, 53, 64, 107 (Кулаков, 1979, 20; 1980, 213–239; 1999, 221–251).

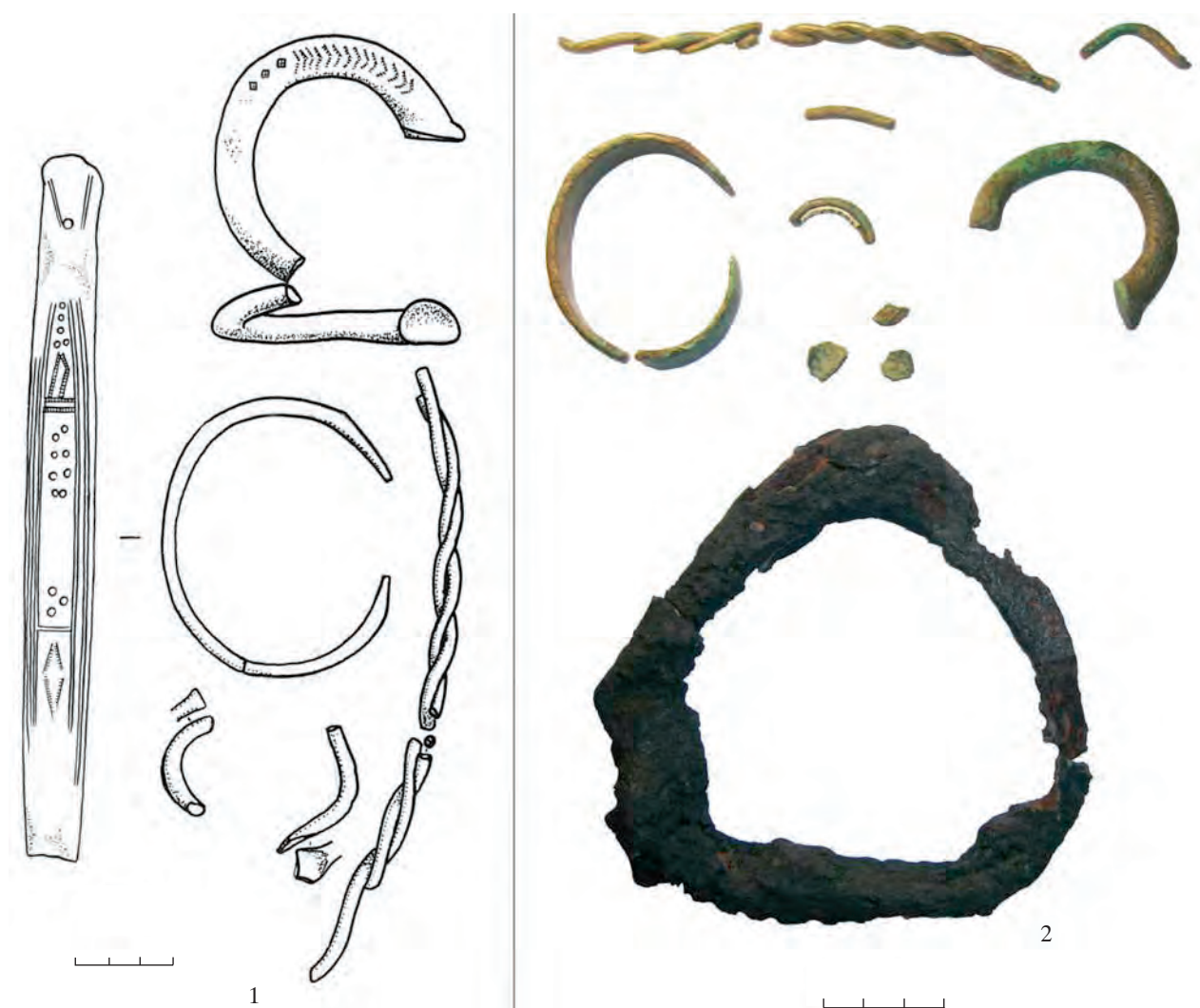

Рис. 17. Погребение № 62 гр. мог. Клиновка-1 (Ирзекапинис): 1 – инвентарь, приведённый в отчёте В. И. Кулакова за 1979 г. (Кулаков, 1979§, Рис. 72), 2 – инвентарь, представленный в фондах КОИХМ (КГОМ 12325.19–24) (фото Р. Широхова).

грунтовых могильников на рубеже XI–XII вв. – «погребальный обряд изменился, а погребения другого типа мы так и не научились находить» (Zabiela, 1998, 365).

Говоря о поздних ингумациях, открытых на могильниках пруссов, и включающих в себя предметы характерные также для куршей и других западных балтов, в первую очередь следует назвать комплекс № 339 гр. мог. Алейка-3, представляющий собой

ориентированное по оси Север–Юг погребение, выполненное в деревянной гробовине, включающее в себя бронзовую подково-видную фибулу со звёздчатыми окончаниями подтипа II.2 и бронзовый бубенчик (Скворцов, 2006). С одной стороны, подобные погребения могли существовать в землях южных куршей до середины XI в. (Žulkus, 2004, 162), кроме того, погребения, совершённые по обряду ингумации и включающие

в себя подобные украшения, известны в XI – начале XII вв. у готландцев (Carlsson, 1988, 166–167) и земгалов (Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008, 125). С другой стороны, ингумации конца XIII–XV вв., включающие фибулы подтипа II.2, известны на памятниках Орденской Пруссии и Великого Княжества Литовского – некрополи Штангенвальде и Кармелава (Schiefferdecker, 1971, Taf. VI; Rickevičiūtė, 2003, 205–206; Svetikas, 2009, 175). Находки подковообразных фибул со звёздчатыми окончаниями подтипа I известны в куршских кремациях рубежа XII–XIII вв. (погр. № 38, 46 мог. Сарайи), а также на отдельных куршских ингумациях, подвергшихся влиянию жемайтов – погр. № 1 мог. Жемайčiu Калвария конца XII–XIII вв. (Kuršiai, 2009, 209–210, 376–378, 385–386). Вполне вероятно, что и фибулы подтипов I–III также нуждаются в корректировке датировок их использования, которые в отдельных случаях могут быть продлены до рубежа XII/XIII–XIV вв. В этом случае погр. № 339 гр. мог. Алейка–3, как и другие соседние с ним ингумации, может принадлежать уже к раннеорденскому периоду. Схожая ситуация наблюдается в случае с малоинвентарными ингумациями гр. мог. Поваровка (Пронин и др., 2007, 78–88, 335–336).

Вполне возможно, что обряд ингумации в этот период появляется у пруссов лишь под влиянием христианской идеологии и установлений Тевтонского ордена в середине – второй половине XIII вв., когда был юридически закреплён запрет на кремирование умерших в некоторых областях пруссов, как в случае с Христбургским договором 1249 г. (Baltų, 1996, 240). Здесь также следует учесть сообщение Ливонской Рифмованной хроники о сожжении сембами своих воинов под Мемелем между 1253–1254 гг. (Baltų, 1996, 307–308, 315), свидетельствующее о возможном существовании

традиции кремирования умерших у последних и в середине XIII в. Уточнение датировок исследованных во второй половине XX – начале XXI вв. грунтовых могильников пруссов, таких как Клиновка–1 (Ирзекпинис), Доллькайм (Коврово), Поваровка, Айслиттен (Геройское–5), поздних зон могильников Алейка–3, Кауп, Штантау (Митино), а также новые исследования в этой области помогут ответить нам на вопрос о вероятности существования биритуализма в прусской погребальной культуре XII–XIII вв., а также о том, как долго пруссы продолжали кремировать своих умерших.

Двухъярусные безурновые кремации пруссов, в состав погребального инвентаря которых входят перечисленные предметы вооружения и украшения, характерные для куршской культуры, отражают экономическую и культурную ситуацию периода XI–XIII вв. – упрочнение и углубление торговых и социальных связей, взаимная интеграция западных балтов в культурно–исторические процессы Балтийского региона, что вызвало взаимопроникновение инноваций и определённую унификацию материальной культуры пруссов, куршей, скальвов, ламатов, земгалов и ятвягов перед началом объединения последних под знамёнами Ливонского и Тевтонского орденов, а также Великого Княжества Литовского.

Вопрос о женских погребениях пруссов X – первой половины XIII в., как и вопрос о возможности существования у пруссов ингумаций в XII – первой половине XIII в., остаётся открытым. Исследования в этих направлениях являются крайне необходимыми для установления, как в более узком плане – общих рамок прусской погребальной обрядности, так и в более широком – уточнения типологии и хронологии прусских древностей, а также социально–экономической картины жизни прусского общества в позднем железном веке.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XI/XII–XV ВВ. НА КУРШСКОЙ КОСЕ И ПРОБЛЕМА КУРШСКО–ПРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Внимание исследователей западных балтов притягивают памятники археологии XI/XII–XIV вв., расположенные на Куршской косе. В первую очередь это грунтовый могильник – раннехристианское кладбище Штангенвальде (южнее поселения Рыбачий (Росситтен), исследованный П. Шиффердекером в 1870 г. и в последствии – К. Энгелем в 1930 г. (Schiefferdecker, 1871, 45–49; 1873, 33–61; Hollack, 1908, 83; Engel, 1931b, 108–118). Основной массив погребального инвентаря некрополя относится к орденскому периоду и затрагивает конец XIII – начало XV вв., имея вещевые аналогии с исследованным А. А. Валуевым в 1992–2003 гг. раннехристианским кладбищем пруссов Альт-Велау (около города Знаменск (Велау), а также другими памятниками пруссов, куршей, земгалов и селов конца XIII–XVI вв. (Odoj, 1958, 152–154; Валуев, 2003, 104–116; Žiemgaliai, 2005, 63–68, 180–213; Sėliai, 2007, 76–109; Kuršiai, 2009, 394–420). Некоторые отдельные украшения (подковообразные фибулы), впервые опубликованные П. Шиффердекером, имеют более широкую датировку и могут относиться к периоду XII–XIII/XIV вв. В первую очередь это имеет отношение к подковообразной фибуле с соединяющимися звёздчатыми окончаниями (см. выше) и подковообразной фибуле с расширяющимися окончаниями, покрытой спиралевидным орнаментом (Schiefferdecker, 1873, Taf. VI; Berlin, 1880, Taf. 16), которая имеет аналогии в женском погребении некрополя Альт-Велау, датированным XIV – началом XV вв.

(Валуев, 2003, 111). Уточнение датировки грунтового могильника – раннехристианского кладбища Штангенвальде возможно лишь в процессе дальнейших исследований.

В последних публикациях и докладах В. И. Кулакова и его последователей этническая принадлежность некрополя Штангенвальде определяется как «куршская»²¹ (Кулаков, 1990, 22). На данном этапе исследований памятника, когда последние археологические работы были проведены здесь в 1930-х гг., а коллекция предметов опубликована фрагментарно, данный тезис кажется недостаточно обоснованным. Все без исключения исследованные погребальные комплексы Штангенвальде относятся к ингумациям, с северной, северо-восточной, северо-западной и юго-восточной ориентировкой (Schiefferdecker, 1871, 45–49; 1873, 33–61; Hollack, 1908, 83; Engel, 1931b, 108–118; Kulikauskas, 1959, 85). Подобная ориентировка погребений свойственна и для других прусских некрополей XII(?)–XV вв. (Кулаков 1990, 21–22; Пронин и др., 2007, 335–336). Известно, что жители южнокуршских земель Мегува и Пилсотас, находящихся ближе всего к Куршской косе, перестают хоронить своих умерших несожжёнными между 1050–1100 гг. Отдельные погребения по обряду ингумации существуют у куршей до начала XII в., а в северном куршском ареале, граничащем с ливами, земгалами и жемайтскими (не сжигавшими своих умерших), редкие погребения–ингумации известны до рубежа XII–XIII вв. (Žulkus, 2004, 162; Kuršiai, 2009, 85). Таким образом, если бы ингумации из Штангенвальде и принадлежали куршам, то большая часть погребального инвентаря датировалась бы, самое позднее – концом XI в., а не XIII–XV вв.

²¹ Кулаков В. И., Западный отрезок Неманского пути в эпоху викингов; Тюрин Е. А., Кауп и Кораллен-Берг – морские ворота Самбии. Доклады международной научной конференции «Культурное наследие Восточной Пруссии». Калининград, Российский государственный университет им. И. Канта, 15–16 октября 2009 г.

Таким образом, некрополь Штангенвальде представляется нам погребальным памятником западных балтов, с прусскими и, с долей вероятности, южнокуршскими этнокультурными элементами, характеризующим общим развитием погребальной традиции последних, подвергшейся влиянию христианизации и немецкой культуры в XIII/XIV–XV вв. Более ранняя зона могильника XI/XII – первой половины XIII в., на существование которой могли бы указывать некоторые типы находок, до сих пор не обнаружена.

Вторым интересующем нас памятником археологии является поселение Кораллен–Берг (юго–западнее поселения Рыбачий (Росситтен). Впервые оно было исследовано Г. Берендтом, Ловмеером и Виттихом в 1869 г., а позднее – в 1870 г. П. Шиффердекером. В 2001–2002 гг. работы здесь были продолжены В. И. Кулаковым (Schiefferdecker, 1873, 33–65; Hollack, 1908, 83; Kulakov, 2005, 175–181). Несмотря на предварительную датировку памятника П. Шиффердекером и Э. Холлаком периодом Н–J (Hollack, 1908, 83), автор последних раскопок датирует поселение X – началом XI вв. (Kulakov, 2005, 176). Первичный анализ опубликованных В. И. Кулаковым (Kulakov, 2005; 2006; 2008) и хранящихся в коллекции музея национального парка «Куршская коса» материалов поселения, может свидетельствовать о более поздней датировке памятника. Так, наиболее яркие бронзовые предметы с поселения Кораллен–Берг, представленные подковообразными фибулами по форме и внешнему виду относимых к поздним подтипам распространённых среди балтов застёжек со спиралевидными и маковидными навершиями, а также плоская шарнирная четырёхлистная фибула индивидуальной формы (см. выше), могут относиться к XII–XIV вв. (Рис. 18). Последняя имеет аналогии с фибулами из Паланги (Žulkus, 2007, 352–353) и гр.

мог. Шоссейное–1 (Скворцов, 2007§b). В обоих случаях застёжки датируются XII вв. Застёжка с Кораллен–Берга технологически близка фибуле XI–XIII вв. с озера Талсу Вилкумуйжа (Šturms, 1936, 81–82, Att. 12:12). Эвальдс Мугуревичс также доводит датировку таких четырехлистных фибул до рубежа XIII–XIV вв. (Mugurēvičs 1990, 174, Fig. 10.5). Подковообразная фибула со спиралевидными навершиями, корпус которой покрыт зигзагообразным орнаментом и имеет прямоугольное сечение, также может относиться к позднейшей фазе существования подобных фибул (Volkaitė-Kulikauskienė, 1970, 161). Учитывая особенности орнаментики, характерные для балтских кольчатых фибул XIII–XV вв. (Валуев, 2003, 111; Kuršiai, 2009, 415; Svetikas, 2009, 155–159, 216–217), данная фибула, как и несколько других найденных здесь подковообразных фибул данного типа (с прямоугольным и полукруглым сечениями), может относиться к периоду XII/XIII–XIV вв. Кроме того, на данном поселении была найдена подковообразная фибула с маковидными окончаниями, имеющая аналогии с литовскими материалами, и представляющая довольно поздний этап развития подобного типа застёжек (Svetikas, 2009, 168–169). Говоря о керамическом материале, представленном на поселении Кораллен–Берг, следует отметить, что действительно часть форм по технике изготовления и орнаментике имеет аналогии с сосудами типа Žulkus B–i:b поселения Бирутес Калнас (Паланга) и керамикой поселений Жарде (Клайпеда), датируемых XI–XIII вв. (Kulakov, 2005, 176–177, Žulkus, 2007, 284–287). Часть фрагментированных сосудов, найденных на Кораллен–Берге, имеет аналогии с керамическим материалом прусских городищ Грачёвка (Краам) и Логвиново (Меденау), а также материалами могильников Шудиттен, Поваровка, Штангау (Митино) и др., датируемых XI/XII–

Рис. 18. Бронзовые фибулы XII–XIV вв. с поселения Кораллен–Берг: 1 – плоская шарнирная фибула четырёхлистной формы, МПНПКК 119.174.1, 2, 4 – подковообразные фибулы со спиралевидными окончаниями, МПНПКК 119.174.3–4, 3 – подковообразная фибула с маковидными окончаниями, МПНПКК 119.174.2. Фото Р. Широхова.

XIII/XIV вв. (Bezenberger, 1909, 50–53; Guriewicz, 1959, 212; Гуревич, 1960, Рис. 43; Пронин и др., 2007, 230–289; Скворцов, 2010, 134–135).

Таким образом, как бы косвенно подтверждая мнение довоенных исследователей о синхронности поселения Кораллен–Берг существованию некрополя Штангенвальде (Hollack, 1908, 83; Engel, 1931b, 110,115), упомянутый инвентарь, также как и существование всего памятника в целом, объективнее было бы отнести к XII/XIII–XIV/XV вв.

На данном этапе исследований достоверно определить этническую принад-

лежность некрополя Штангенвальде и поселения Кораллен–Берг, расположенных на южной части Куршской косы, как прусских или куршских, не представляется возможным. Поскольку данные памятники археологии, существовавшие в довольно–таки поздний период отношений балтов, отмеченных во второй половине XIII – XV вв. влиянием «европеизации», и включающие в себя элементы как собственно прусской (Самбия), так и Куршской (Пилсотас) культур, могут относиться к «орденскому» пласту культуры западных балтов. Отождествление жителей, оставивших нам эти

памятники, только с куршами (Kulakov, 2005, 177; Тюрин, 2010, 70–71), недостаточно обоснованно. Тем более, что в период колонизации земель западных балтов – пруссов, куршей, земгалов, скалвов и ламатов – Ливонским и Тевтонским орденами, происходит не только унификация погребального обряда, но и собственно инвентаря. Таким образом, вопрос о вероятном существовании на Куршской Косе пограничья прусской и куршской культур остаётся открытым.

ОСНОВНЫЕ ТОРГОВЫЕ МАРШРУТЫ, ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИМПОРТОВ И ИННОВАЦИЙ

Безусловно, наиболее важным торгово-ремесленным пунктом для установления характера отношений между пруссами (сембами) и южными куршами, является расположенный на севере Самбии археологический комплекс Кауп–Вискаютен (Моховое, Зеленоградский р-н.). На самом курганно–грунтовой могильнике и в его окрестностях были найдены десятки предметов, характерных в том числе и для куршской культуры X–XIII вв., косвенно свидетельствующих о возможных контактах между рассматриваемыми здесь этносами (Mühlen, 1975, Taf. 36, 55). Судя по находкам В. И. Кулаковым погребальных комплексов XI/XII–XIII вв. на грунтовой части могильника (Кулаков, 2010а, 194–208) данный отрезок Неманского торгового пути, наряду с лежащим севернее предполагаемым торгово–ремесленным центром Жарде–Лайстай (Genys, 1995, 128–137; Žulkus, 2004, 100–101), мог функционировать до рубежа XII–XIII вв.

Наиболее близкий сухопутный путь, ведущий из Южного Курша на Самбию пролегает по Куршской косе. Однако не следует переоценивать его значение для

данного региона в эпоху викингов (Slaski, 1965, 13–14). Так как археологические свидетельства, предоставленные наиболее крупными исследованными здесь памятниками позднего железного века – некрополем Штангенвальде и поселением Кораллен–Берг, говорят об актуализации этого пути лишь на рубеже XII–XIII вв. Об этом могут свидетельствовать также отдельные находки предметов XII/XIII–XIV вв. от бывшего Латтенвальде до Пилькоппена (Морское) (Engel, 1931b, 115–116). Таким образом, тезис о заселении центральной части Куршской Косы в X–XI вв. представителями куршского и скандинавского этносов (Kulakov, 2005, 176–178) представляется преждевременным. Судя по возможным, наиболее ранним аналогиям бронзовых и костяных украшений, а также керамического материала, начало функционирования обоих памятников гипотетически возможно с первой половины XII в. (вероятнее всего конец XII – XIII вв.). И вполне вероятно, что западные балты, как постоянные жители косы, появляются здесь уже в процессе, связанном с политическими и экономическими реалиями Орденской экспансии.

Как мы могли убедиться, находки «куршского» типа представлены в большей или меньшей мере на всех без исключения прусских грунтовых могильниках Самбийского полуострова X–XIII вв. Отсутствие при этом достаточного количества погребальных комплексов, достоверно подтверждающих долговременное проживание здесь представителей куршского этноса, может свидетельствовать об изготовлении тех или иных видов украшений и вооружений в пределах прусского ареала. Пути проникновения инноваций в земли пруссов, а также взаимопроникновение культур, судя по находкам типичных для куршей изделий X–XIII вв. вне региона Самбии–Натангии, пролегали и в других землях исторической Пруссии.

Среди случайных находок, происходящих из неизвестного ранее памятника около города Гусев, присутствуют характерные для куршей, скальвов и ламатов фрагменты и целые формы украшений и оружия XII–XIV вв. (Рис. 5:2–3, 7:3, 8:5, 13:3), имеющие сходство с материалами лежащего севернее грунтового могильника скальвов Линкунен (Engel, 1931a, 320–323) и такими куршскими и земгальскими некрополями как Греже (Kuršiai, 2009, 356–358, 361–375) и Павирвите–Гудай (Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008, 178–199). А также с прусскими и скальвскими некрополями орденского периода Альт–Велуэ (Валуев, 2003, 104–111) и Рагнит (Археологические, 2008, 171–173, 371–373), пересекаясь при этом с рассмотренными выше материалами грунтовых могильников Самбии. Вполне возможно, что наземный торговый путь XI–XIV вв. из Курша в Самбию пролегал также через пограничные территории куршей и земгалов, земли ламатов, скальвов и надравов, по рекам Вента, Юра, Неман и Преголя. На это указывают и упомянутые выше находки с поселения надравов Тимофеевка (Камсвикус) (Калашников, 2006, 39–40; 2009, 17–21). Дальнейшее исследование погребальных и поселенческих памятников исторической Надравии и южной Скаловии могло бы помочь в решении этой проблемы.

Учитывая прочные и долговременные связи как куршей, так и пруссов с южно–скандинавскими землями, не потерявшие актуальности к рубежу XI–XII вв., когда Дания и Швеция продолжали попытки закрепить своё политическое влияние на восточном побережье Балтики (Mickevičius, 1993ž, 151), многие прототипы распространённых у западных балтов украшений и оружия могли попадать к куршам и пруссам

практически одновременно и, подвергшись местным модификациям и изменениям, распространяться уже внутри этнокультурного ареала балтов. Особую роль в этом обмене идей и вещей, как для западных балтов, так и для жителей южной Скандинавии, сыграл остров Готланд²², служивший перевалочной базой в торговле и грабительских набегах как с одной, так и с другой стороны. Роль пруссов в этих процессах пока что является мало изученной. Не исключено, что последние также могли быть активными участниками упомянутых процессов, особенно – с торговой стороны (Mickevičius, 2001, 40).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предварительный анализ погребального инвентаря и памятников археологии пруссов, имеющих куршский «след», привёл нас к следующим выводам:

1. Основная масса типов украшений и оружия, включая и так называемые «куршские» типы, одновременно встречается как на куршских, так и на прусских погребальных памятниках, за исключением лишь некоторых типов инвентаря X–XIII вв., свойственных только для куршей (крестовидные булавки, плоские перекладчатые фибулы IV–V типов, амулеты–миниатюры и др.) или пруссов (находки бронзовых блюд, отдельных видов конского снаряжения, таких как детали оголовий, большое количество раннегончарных сосудов в погребениях). Основная масса предметов, найденных на куршских и прусских могильниках X–XIII вв., происходит из различных типов погребений: у пруссов – из двухъярусных и одноярусных безурновых кремаций (возможно также и из ингумаций – см. выше), у куршей – из

²² Отдельные экземпляры украшений и вооружений, характерные для западных балтов, встречаются и на Готланде (Bliujienė, 1999, 113, 119, 129, 134, 157, 174).

одноуровневых безурновых кремаций (и в редких случаях – ингумаций).

2. Погребения–индикаторы, свойственные только для куршей и включающие характерный набор вещей, практически неизвестны на прусских некрополях X–XIII вв. Опираясь на материалы последних, на данном этапе исследования мы не можем с уверенностью констатировать факт постоянного присутствия куршского этнического элемента в землях пруссов. Недостаточная изученность прусских поселений рассматриваемого периода затрудняет поставленную перед нами задачу. Поскольку данные лишь погребальных памятников, выдернутые из общего исторического контекста, не способны полностью и адекватно отобразить обратную перспективу этно–культурных процессов, происходивших на территории западных балтов в X–XIII вв.

3. Рассмотренные здесь памятники археологии Куршской косы – предполагаемой зоны контактов куршской и прусской культур, по современному состоянию источниковедческой и исследовательской базы, относятся к XII/XIII–XV вв. Таким образом, период их существования связан в первую очередь с процессами интеграции западных балтов в новую политическую систему и исходящими из этого изменениями, такими как смена погребального обряда и унификация инвентаря. Тезис о существовании данных памятников на более раннем этапе отношений куршей и пруссов требует дальнейших археологических исследований.

4. Основные контакты куршской и прусской культур приходились на торгово–ремесленные центры, исключительную роль среди которых в землях пруссов могло играть предполагаемое поселение Кауп–Вискаютен. Утверждать с уверенностью о наличии матримониальных контактов куршей и пруссов, и тем более о присутствии куршских

женских погребений на прусских грунтовых могильниках X–XIII вв., мы не можем по причине плохой исследованности феномена женского погребения в прусской культуре обозначенного периода. Это же относится и к вероятным находкам «дружинных» захоронений мужчин–куршей на прусских некрополях. Пока не будет произведён сравнительный анализ основных (массовых) типов вооружений и конского снаряжения пруссов и куршей в контексте данных погребальных памятников, говорить о присутствии куршских воинов в рядах прусской «дружины» нецелесообразно.

Процессы, происходящие в куршской и прусской культурах X–XIII вв. являются морфологически схожими и объясняют близость рассматриваемых этносов. Начиная с эпохи викингов, интеграция западных балтов в экономическое и политическое пространство Балтийского моря привела не только к глобализации и европеизации их культуры, но и к сближению отдельно взятых этносов посредством торговли и других внешних факторов.

Автор выражает особую благодарность А. Блюене, Р. Брачулене, Й. Генису, А. Валуеву, Э. Грицювене, В. Жулкусу, Н. Зубареву, Е. Калашникову, С. Коваль, Т. Махоркиной, К. Скворцову, А. Соколову, Р. Сонгайлайте, Р. Спиргису, А. Томсонсу, О. Хомяковой, А. Хохлову и другим коллегам, оказавшим помощь и поддержку в написании этой работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Apuolė, 2009 – Apuolė. Ausgrabungen und Funde 1928–1932 (Hrsg. J. P. Lamm). Klaipėda, 2009.

Asaris J., 1994 – 11–13 gs. zobena maksts bronzas uzgalu tipi un to izplatiba Kurzeme // AE. Rīgā, 1994. T. XVI, p. 21–27.

- Asaris J.**, 1996 – Par kuršu izplatību Ziemeļkurzemē 11.–13. gs. // AE. Rīga, 1996. T. 18, p. 38–42.
- Baltū**, 1996 – Baltū religijas ir mitoloģijas šaltiniai. Vilnius, 1996. T. I.
- Baltū**, 2001 – Baltū religijas ir mitoloģijas šaltiniai. Vilnius, 2001. T. II.
- Bezenberger A.**, 1889 – Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart, 1889.
- Bezenberger A.**, 1904 – Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg, 1904.
- Bezenberger A.**, 1909 – Graberfeld verschiedener Perioden bei Schuditten, Kr. Fischhausen // Prussia. Königsberg, 1909. H. 22, p. 44–62.
- Bezenberger A.**, 1914 – Graberfeld bei Laptau // Prussia. Königsberg, 1914. Bd. 23, H. 1, p. 157–180.
- Bluijienė A.**, 1999 – Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius, 1999.
- Budvydas U.**, 2006 – Viešvilės kapinynas I bei neįtvirtinta gyvenvietė // ATL 2005 metais. Vilnius, 2006, p. 111–113.
- Bujack G.**, 1890 – Graberfeld bei Ekritten, Kr. Fischhausen // Prussia 1888–1889. Königsberg, 1890. Bd. 15, p. 127–131.
- Butėnas E., Butėnienė-Gintautaitė E.**, 2002 – Laivių kapinynas // LA. Vilnius, 2002. T. 22, p. 9–176.
- Carlsson A.**, 1988 – Vikingatida ringspännan från Gotland. Stockholm, 1988.
- Engel C.**, 1931a – Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen // Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.–23. VIII. 1930. Rigae, 1931, p. 313–316.
- Engel C.**, 1931b – Zur Vorgeschichte der Kurischen Nehrung // Mannus. Leipzig, 1931. Bd. VIII, p. 99–121.
- Engel C., La Baume W.**, 1937 – Kulturen und Völker der Frühzeit in Preußenlande. Königsberg, 1937.
- Engel M., Iwanicki P., Rzaszotarska-Nowakiewicz A.**, 2006 – “Sudovia in qua Sudovitae”. The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // AL. Vilnius, 2006. T. 7, p. 184–209.
- Festschrift**, 1905 – Festschrift zum 25 jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg (1880–1905). Insterburg, 1905. H. 9.
- Gaerte W.**, 1929 – Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929.
- Genys J.**, 1995 – Pilsoto žemės prekybos ir amatų centras // Lietuvininkų kraštas. Kaunas, 1995, p. 108–127.
- Guriewicz F. D.**, 1959 – Nektóre dane o osadach i grodziskach Sambii // RO. Olsztyn, 1959. T. II, p. 205–219.
- Heydeck J.**, 1909 – Zwei Graberfelder bei Seefeld, Kr. Fischhausen // Prussia. Königsberg, 1909. H. 22, p. 239–240.
- Hoffmann J.**, 1941 – Die spätheidnische Kultur des Memellandes (10.–12. Jahrh. n. d. Zw.). Königsberg, 1941.
- Hollack E.**, 1908 – Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Berlin, 1908.
- Ibsen T., Frenzel J.**, 2010 – In search of the Early Medieval settlement of Wiskiauten/Mohovoe in the Kaliningrad region // LA. Vilnius, 2010. T. 36, p. 47–58.
- Kazakevičius V.**, 1992 – Sword chapes from Lithuania // Die Kontakte zwischen Ostbalticum und Scandinavien im frühen Mittelalter. Stockholm, 1992, p. 91–107.
- Kazakevičius V.**, 1996 – IX–XIII a. baltų kalavijai. Vilnius, 1996.
- Kazakevičius V.**, 1997 – On one type of Baltic Sword of the Viking Period // AB. Vilnius, 1997. T. 2, p. 117–132.
- Kazakevičius V.**, 1998 – Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (Kalavijų makštų apkalai) // LA. Vilnius, 1998. T. 15, p. 287–332.
- Kivikoski E.**, 1973 – Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Kleeman O.**, 1939a – Über die wikingische Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der Kurischen Nehrung // Alt-Preussen. Königsberg, 1939. Jrg. 4, H. 1, p. 4–14.
- Kleeman O.**, 1939b – Die vorgeschichtlichen Funde bei Cranz un die Siedlung von Wiskiauten // Prussia. Königsberg, 1939. Bd. 33, p. 201–225.
- Kulakov V.**, 1994 – Vakarų Lietuvių V–XII a. radiniai Prūsų žemėse // AHUK. Klaipėda, 1994. T. II, p. 107–122.
- Kulakov V.**, 2005 – Siedlung Korallen-Berg. Kurze Nachricht über die Ausgrabungen 2001 und 2002 // Res Balticae. Miscellanea Italiana di studi Baltistici. Livorno, 2005. Vol. 10, p. 175–182.
- Kulakov V.**, 2006 – Die Runen des Samlands: Funde Saison 2001 // AB. Klaipėda, 2006. T. 6, p. 152–157.
- Kulikauskas P.**, 1959 – Seniausieji Kuršių Neringos gyventojai // Iš lietuvių kultūros istorijos. Vilnius, 1959. T. II, p. 72–85.
- Kulikauskas P.**, 2003 – Karaliaučiaus universitete 1938–1940 m. (prisiminimai iš studijų laikų Karaliaučiaus universitete) // LA. Vilnius, 2003. T. 24, p. 299–312.

- Kuršiai**, 2009 – Kuršiai. Genties kultūra laidosenos duomenimis. The Curonians. Tribe Culture According to the Burial data. 2009: Baltų archeologijos paroda. Katalogas. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue. Vilnius, 2009.
- Latvijas**, 1974 – Latvijas PSR Archeoloģija. Rīga, 1974.
- Lietuvos**, 1978 – Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius, 1978. T. IV. I–XIII a. radiniai.
- Mägi M.**, 2002 – At the crossroads of space and time (graves, changing society and ideology of Saaremaa (Ösel), 9–13 cc. AD. Tallinn, 2002.
- Mickevičius A.**, 1993š – Kuršiai IX–XII amžiuje ir skandinavai. Disertacija humanitarinių mokslų daktaro laipsniui įgyti. 1993, Klaipėdos universiteto Baltijos regiono istorijos ir archeologijos instituto archyvas, neinventorinta.
- Mickevičius A.**, 1994 – Kuršiai Sakso Gramatikos duomenimis // AHUK. Klaipėda, 1994. T. II, p. 160–166.
- Mickevičius A.**, 2001 – Ankstyvieji skandinavų ir kuršių kontaktai // Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanų iki Napoleono. Vilnius, 2001, p. 31–41.
- Montvilaitė E., Ožalas E.**, 2007 – Vilniaus žemutinės pilies dalies bei Valdovų rūmų pietinio korpuso 2004–2008 m. archeologiniai tyrimai // ATL 2006 metais. Vilnius, 2007, p. 183–192.
- Mugurėvičs Ē.**, 1990 – Interactions between indigenous and western culture in Livonia in the 13 to 16th centuries // From the Baltic to the Black Sea. Studies in Medieval Archaeology. London and New York, 1990, p. 168–178
- Muižnieks V.**, 2008 – Die Brandgraber des 14., 15. Jh. in Kurland // AL. Vilnius, 2008. T. 9, p. 84–107.
- Mühlen B.**, 1975 – Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Bonn, 1975. Nr. 9.
- Nerman B.**, 1931 – Der Handel Gotlands mit dem Gebiet am Kurischen Haff im 11. Jahrhundert // Prussia. Königsberg, 1931. Bd. 29, p. 160–173.
- Odoj R.**, 1958 – Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w Równine Dolnej, pow. Kętrzyn. w. 1956–57 // RO. Olsztyn, 1958. T.1, p. 117–156.
- Paulsen P.**, 1953 – Schwertortbänder der wikingzeit. Ein Beitrag zur frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.
- Peiser F.**, 1919 – Gräberfeld bei Blöcken // Prussia. Königsberg, 1919. Bd. 23, H. 2, p. 357–361.
- Petersen J.**, 1919 – De norske vikingsverd. Ein typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania, 1919.
- Photographisches**, 1880 – Photographisches Album der Prähistorisches und Anthropologisches Ausstellung zu Berlin, 1880. I. Section 1. Ostpreußen. Berlin, 1880.
- Radiņš A.**, 1999 – 10.–13. gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politiskās vēstures jautājumi // LVMR. Rīga, 1999. Nr.5.
- Rickevičiūtė K.**, 2003 – Karmėlavos senkapis (1998–2000 m. tyrinėjimai) // LA. Vilnius, 2003. T. 24, p. 161–228.
- Sadauskaitė I.**, 1959 – XII–XIII amžių pirklio kapas Sargėnuose // Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai, serija A. Vilnius, 1959. T. 2 (7), p. 57–76.
- Saxo**, 1979–1980 – Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Books I–IX. Cambridge, 1979–1980. Vol. 2.
- Schifferdecker P.**, 1871 – Der Begräbnisplatz bei Stangenwalde // SPÖG. Königsberg, 1871. Jrg. 12, p. 42–56.
- Schifferdecker P.**, 1873 – Bericht über eine Reise zur Durchforschung der Kurischen Nehrung in archäologischer Hinsicht // SPÖG. Königsberg, 1873. Jrg. 14, Abt. 2, p. 32–68.
- Sėliai**, 2007 – Sėliai. The Selonians: Baltų archeologijos paroda. Katalogas. Vilnius, 2007.
- Spirgis R.**, 2002 – Neue Zeugnisse von Bewohner des Nordkurlands im archäologischen Material Rigas // The Medieval Town in the Baltic: Hanseatic History and Archaeology. Tartu, 2002. T. II, p. 67–74.
- Stankus J.**, 1995 – Bandužių kapinynas // LA. Vilnius, 1995. T. 12.
- Stankus J.**, 2002 – Genčių II kapinynas // LA. Vilnius, 2002. T. 22, p. 199–232.
- Svetikas E.**, 2009 – Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab. – XV a. Vilnius, 2009. T. 1.
- Ślaski K.**, 1965 – Stosunki prusów z innymi ludami nadbałtyckimi w VII–XII w. // RO. Olsztyn, 1965. T. V, p. 9–24.
- Šturms E.**, 1936 – Vilikumuižas ezera atradumi // Senatne un Māksla. Rīgā, 1936. T. II, p. 72–86.
- Tautavičius A.**, 1962ša – Palangoje, Komjaunimo gatveje esančio senkapio, archeologinių kasinėjimų, vykdytų 1962 m. balandžio 23 d. – birželio 13 d. ataskaita. 1962, Lietuvos istorijos instituto Rankraštynas, Nr. 183.
- Tautavičius A.**, 1962šb – Palangos (Dariaus ir Girėno g.), VIII–XIII a. kapinyno 1961–1962 m. tyrinėjimų ataskaitos. 1962, LNM Archeologijos skyrius, Nr. A 27.

- Thynmark-Nylén L.**, 2000 – Die Wikingerzeit Gotlands. Katalog. IV:1–3, IV:2. Stockholm, 2000.
- Tomsons A.**, 2008 – Kuršu (T1 tipa) zobenu rokturu ornaments 11.–13. gs. // LVMR. Rīga, 2008. Nr. 14. Pētījumi kuršu senatnē, p. 85–97.
- Urbanavičius V., Urabanavičienė S.**, 1988 – Archeologiniai tyrimai // Obelių kapinynas. LA. Vilnius, 1988. T. 9.
- Vasiliauskas E.**, 1999 – Žiemgalos prekybiniai keliai ir centrai VIII–XII a. // LA. Vilnius, 1999. T. 18, 79–92.
- Vaska B.**, 1994 – Ornaments uz kuršu aprocēm ar zvērgalvu galiem // AE. Rīga, 1994. T. 17, p. 113–118.
- Vaska B.**, 2008 – Kuršu pakavsaktas un to ornaments // LVMR. Rīga, 2008. Nr.14, p. 105–124.
- Vaškevičiūtė I.**, 2004 – Žiemgaliai V–XII amžiuje. Vilnius, 2004.
- Vaškevičiūtė I., Cholodinskienė A.**, 2008 – Pavirvytės kapinynas (X–XIII amžiai). Vilnius, 2008.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.**, 1970 – Lietuviai IX–XII amžiais. Vilnius, 1970.
- Wróblewski W.**, 2006 – Aschenplatze – the forgotten burial rituals of the Old Prussians // AL. Vilnius, 2006. T. 7. p. 221–234.
- Zabiela G.**, 1998 – Laidosena pagoniškoje Lietuvoje // LA. Vilnius, 1998. T. 15, p. 351–376.
- Zariņa A.**, 2006 – Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga, 2006.
- Žiemgaliai**, 2005 – Žiemgaliai. The Semigallians: Baltų archeologijos paroda. Katalogas. Vilnius, 2005.
- Žulkus V.**, 1997 – Baltische Funde an den westlichen Ostseeküsten // AB. Vilnius, 1997. T. 2, p. 165–188.
- Žulkus V.**, 2004 – Kuršiai Baltijos jūros erdvėje. Vilnius, 2004.
- Žulkus V.**, 2006 – Kurland. Die Grenzen und die nördlichen Landschaften in 8.–13. Jahrhundert // AB. Klaipėda, 2006. T. 6, p. 89–103.
- Žulkus V.**, 2007 – Palanga in the Middle Ages. Ancient settlements. Vilnius, 2007.
- Žulkus V., Klimka L.**, 1989 – Lietuvos pajūrio žemės viduramžiais. Vilnius, 1989.
- Археологические**, 2008 – Археологические инвентарные книги бывшего музея «Пруссия» (под ред. А. Битнер-Врулевской, на трёх языках). Олыштын, 2008.
- Валуев А. А.**, 1996š – Отчёт по раскопкам грунтового могильника «Альт–Велау» у пос. Знаменск (Гвардейского района Калининградской области) Калининградским отрядом БАЭ в 1996 г. 1996, Архив КОИХМ, Дело № 65, 06.02.06–И.
- Валуев А. А.**, 1997š – Альбом к отчёту по раскопкам грунтового могильника «Альт–Велау» у пос. Знаменск (Гвардейского района Калининградской области) Калининградским отрядом БАЭ в 1996 г. 1997, Архив КОИХМ, Дело № 62, 06.02.06–И.
- Валуев А. А.**, 1998š – Отчёт по раскопкам грунтового могильника «Альт–Велау» у пос. Знаменск (Гвардейского района Калининградской области) Калининградским отрядом БАЭ в 1997 г. 1998, Архив КОИХМ, Дело № 68, 06.02.06–И.
- Валуев А. А.**, 1999š – Отчёт по раскопкам грунтового могильника «Альт–Велау» у пос. Знаменск (Гвардейского района Калининградской области) Калининградским отрядом БАЭ в 1998 г. 1999, Архив КОИХМ, Дело № 71, 106, 06.02.06–И.
- Валуев А. А.**, 2000š – Альбом к отчёту по раскопкам грунтового могильника «Альт–Велау» у пос. Знаменск (Гвардейского района Калининградской области) Калининградским отрядом БАЭ в 1999 г. 2000. Архив КОИХМ, Дело № 73, 109, 06.02.06–И.
- Валуев А. А.**, 2003 – Итоги изучения грунтового могильника Альт–Велау // Проблемы Балтийской археологии. Калининград, 2003, с. 104–116.
- Генрих, 1938** – Генрих Латвийский. Ливонская Хроника (Подг. С. А. Аннинский). Москва, Ленинград, 1938.
- Гуревич Ф. Д.**, 1960 – Из истории Юго–Восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. // МИА. Москва, 1960. № 76.
- Зубарев Н.**, 2003š – Отчет об охранных археологических раскопках грунтового могильника «Геройское–5» (Eisliethen), расположенного на территории Зеленоградского района Калининградской области в 2003 г. 2003, Архив ИА РАН, Р–1.
- Зубарев Н.**, 2004š – Материалы личного архива по охранным археологическим исследованиям грунтового могильника «Геройское–5» (Eisliethen) 2003–2004 гг.
- Казаченко Ж. Ю.**, 2006š – Отчёт о разведках, проведённых Зеленоградским отрядом Балтийской экспедиции ИА РАН в 2005 г. в Зеленоградском районе Калининградской области. 2006, Архив КОИХМ, Дело № 133, 06.02.06–И.
- Калашников Е. А.**, 2006 – Охранные археологические работы в 2002–2003 гг. // Археологические исследования в Калининградской области. Калининград, 2006, с. 39–43.
- Калашников Е. А.**, 2009 – Археологические работы на поселении Тимофеевка–Камсвикус в

2003 г. // Надровия. Черняховск, 2009. № 6, с. 17–21.

Кирпичников А. Н., 1966 – Древнерусское оружие. Мечи и сабли. IX–XIII вв. Свод археологических источников. Москва–Ленинград, 1966. Вып. Е.1–36.

Кулаков В. И., 1977ж – Отчёт о работе Балтийской археологической экспедиции ИА АН СССР в Калининградской области в 1977 г. 1977, Архив ИА РАН. Р.1. № 6184.

Кулаков В. И., 1978ж – Отчёт о работе Балтийской археологической экспедиции ИА АН СССР в Калининградской области в 1978 г. 1978, Архив КОИХМ. Дело № 116, 06.02.06–И.

Кулаков В. И., 1979ж – Отчёт о работе Балтийской археологической экспедиции ИА АН СССР в Калининградской области в 1979 г. 1979, Архив ИА РАН. Р.1. № 7560.

Кулаков В. И., 1979 – Работы в земле пруссов // АО 1978 г. Москва, 1979, с. 19–20.

Кулаков В. И., 1980 – Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновка в 1977 году // Acta Baltico-Slavica. Warszawa, 1980. Т. XIII, с. 213–244.

Кулаков В. И., 1984 – Работы Балтийской экспедиции // АО 1982 г. Москва, 1984, с. 15–16.

Кулаков В. И., 1990 – Древности Пруссов VI–XIII вв. // Археология СССР. Г1–9. Москва, 1990.

Кулаков В. И., 1994 – Пруссy (5–13 вв.). Москва, 1994.

Кулаков В. И., 1999 – Ирзекапинис // Stratum plus. Санкт-Петербург–Кишинёв–Одесса, 1999. № 5, с. 211–273.

Кулаков В. И., 2004 – Доллькайм–Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.

Кулаков В. И., 2008 – Вторая волна заселения: скандинавы и западные балты // Куршская Коса. Культурный ландшафт. Калининград, 2008.

Кулаков В. И., 2010а – Грунтовый могильник Малый Кауп: раскопки и находки // AL. Vilnius, 2010. Т. 11, р. 188–210.

Кулаков В. И., 2010б – Обзор итогов полевого сезона 2009 г. на могильнике Кауп // Кауп и Самбия в системе транснациональных контактов (Сборник докладов 3-й Балтийской археологической конференции, посвящённой 30-летию открытия поселения Кауп). Калининград, 2010, с. 6–12.

Кулаков В. И., Скворцов К. Н., 2000 – Клинки из Кляйнхайде // Гістарычна–археалагічны зборнік. Мінск, 2000. № 15, с. 40–52.

Кулаков В. И., Скворцов К. Н., 2008 – Новые находки прусского вооружения предорденского

времени [interaktyvus] [žiūrėta 2010–11–23]. Prieiga per internetą: http://www.simvolika.org/mars_031.htm.

Кулаков В. И., Тюрин Е. А., 2010 – Всадники на Каупе // Кауп и Самбия в системе транснациональных контактов (Сборник докладов 3-й Балтийской археологической конференции, посвящённой 30-летию открытия поселения Кауп). Калининград, 2010, с. 13–26.

Мугуревич Э. С., 1965 – Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.

Нигматуллин Р. А., Бакланова Л. А., Калашников Е. А., Зубарев Н. В., Пузакова Г. С., Радюш О. А., Смирнова М. Е., 2005 – Работы Деснинской экспедиции на территории Калининградской области // АО 2004 г. Москва, 2005, с. 59–61.

Пронин Г. Н., Смирнова М. Е., Мишина Т. Н., Новиков В. В., 2006 – Могильник Поваровка X–XIII вв. (Калининградская область) // МОАИ. Москва, 2006. Т. 8.

Скворцов К. Н., 1996ж – Отчёт о работе Натангийского отряда БАИ ИА РАН в 1996 г. 1996, Архив ИА РАН, Р.1, № 20266.

Скворцов К. Н., 2006ж – Отчёт Самбийской Экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Аллейка–3 Зеленоградского района Калининградской области. 2006, Архив ИА РАН, Р. 1.

Скворцов К. Н., 2007жа – Отчёт Самбийской Экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Аллейка–3 Зеленоградского района Калининградской области. 2007, Архив ИА РАН, Р. 1.

Скворцов К. Н., 2007jb – Отчёт Самбийской Экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Шоссейное–1 Гурьевского района Калининградской области. 2007, Архив ИА РАН, Р. 1.

Скворцов К. Н., 2010 – Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область) по результатам исследований 2008 г. // МОАИ. Москва. 2010. Т. 15.

Тюрин Е. А., 2010 – Кауп и Кораллен–Берг на финальной стадии эпохи викингов // Кауп и Самбия в системе транснациональных контактов (Сборник докладов 3-й Балтийской археологической конференции, посвящённой 30-летию открытия поселения Кауп). Калининград, 2010, с. 68–72.

Широухов Р. А., 2011 – Наконечники ножен мечей куршского типа XI–XIII вв.: иконография и семантика // Труды Калининградского Областного Историко–Художественного Музея (к 65-летию КОИХМ). Калининград, 2011 (в печати).

SPISOKS SOKRAČIŲ

AB – Archaeologia Baltica
 AE – Arheologija un etnogrāfija
 AHUK – Acta Historica Universitatis Klaipedensis
 AL – Archaeologia Lituana
 ATL – Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje
 LA – Lietuvos archeologija
 LNM – Lietuvos nacionalinis muziejus
 LNVM – Latvija Nacionālais Vēstures Muzejs
 MLIM – Mažosios Lietuvos istorijos muziejus
 RO – Rocznik Olsztyński
 SPÖG – Schriften der Königlichen Physikalisch-
 Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg
 AO – Archeologические открытия

ИА РАН – Институт Археологии Российской Академии Наук

КГОМ (КОИХМ) – Калининградский Государственный Областной Историко-Художественный Музей

МОАИ – Материалы охранных археологических исследований

МПНПКК – Музей Природы национального парка «Куршская Коса»

ats. rad. – atsitiktinis radinys

p. k. – privati kolekcija

гр. мог. – грунтовый могильник

погр. – погребение

сл. н. – случайная находка

ч. к. – частная коллекция

PRŪSŲ IR KURŠIŲ RYŠIAI X–XIII A. ARCHEOLOGIJOS DUOMENIMIS

Roman A. Širouchov

Santrauka

Prūsų ir kuršių ryšiai vėlyvajame geležies amžiuje rašytiniuose šaltiniuose yra menkai nušviesti. Ši tema buvo trumpai tyrinėta V. Kulakovo ir V. Žulkaus darbuose. Prūsų ir kuršių X–XIII a. ryšių problemos sprendimo klausimą šiame straipsnyje sudaro: 1) papuošalų ir ginklų, paplitusių prūsų ir kuršių teritorijose, tipologija; 2) prūsų ir kuršių laidosenos analizė, jos palyginimas kapų ir įkapių kontekste; 3) vėlyvojo geležies amžiaus archeologinių paminklų, esančių Kuršių nerijoje, analizė; 4) prūsų ir kuršių numatomų kultūrinių kontaktų, inovacijų kelių ir centrų apžvalga.

Kalbant apie pagrindinius kuršiams būdingus ir prūsų žemėse paplitusius papuošalų tipus, reikia išskirti I–II tipo pasagines seges žvaigždiniais galais ir III tipo žiedines šarnyrines seges, pasagines seges platėjančiais galais, aguoniniais galais ir jų fragmentus, apskritas plokštines, kryžines plokštines seges, juostines ir kitas

apyrankes zoomorfiniais galais, juostines apyrankes, dekoruotas geometriniais raštais. Prie retai prūsų areale pasitaikančių X–XIII a. papuošalų galima priskirti IV–V tipų plokštines laiptelines seges, įvairių formų kryžinius smeigtukus, papuošalų ir įrankių miniatiūras.

Tarp kuršių ir prūsų labiau paplitę tokie X–XIII a. pasaginių segių tipai kaip segės cilindriniais, daugia-kampiais ir gyvuliniais galais reikalauja atskiro tyrimo.

Tarp pagrindinių prūsams ir kuršiams priskiriamų ginklų yra dviašmeniai Kazakevičiaus T1 tipo kalavijai ir jų detalės, Kazakevičiaus Vb tipo kalavijų makštų apkalai, Petersen M tipo plačiašmeniai kirviai. Atskiro tyrimo verti šio periodo ietigaliai, kurių panašūs potipiai paplitę tarp prūsų ir kuršių. Išsamaus tyrimo laukia panaši žirgo apranga, aptinkama skirtinguose pagal struktūrą prūsų ir kuršių X–XIII a. kapuose.

Prūsų ir kuršių X–XIII a. kapai, nepaisant įkapių bendrumo ir bendro kremacijos papročio, vieni nuo kitų skiriasi savo konstrukcija ir laidosena. X–XII/XIII a. prūsai savo mirusiuosius ir toliau laidojo dvigubuose degintiniuose kapuose su kremuotu žmogumi duobės viršuje ir nesudegintu žirgu – apačioje, rečiau – viensluoksnėse kremacijose (moterų kapai?). Kuršiai tuo metu ir ypač nuo XI a. antrosios pusės mirusiuosius degindavo ir laidodavo viensluoksnuose kapuose, dažniausiai savo konstrukcija ir inventoriu besiskiriančiuose nuo mums žinomų prūsų viensluoksninių degintinių kapų. Kuršių ir kaimyninių genčių (lybių, žemaičių, žiemgalių) kontaktų zonose griautinio laidojimo paprotys išliko iki XIII a. Prūsų moterų X–XIII a. kapų, kaip ir spėjamų XII a. – XIII a. pirmosios pusės inhumacijų, klausimas lieka iki galo neišspręstas ir laukia atskiro išsamaus tyrimo. Šiandien mes nežinome X–XIII a. tikrai kuršiškų kapų prūsų žemėse, taip pat nėra duomenų ir apie prūsų dvigubų kremacijų egzistavimą kuršių teritorijoje. Galima manyti, kad tai liudija laikiną kuršių ir prūsų buvimo vieni kitų teritorijose pobūdį.

Vėlyvojo geležies amžiaus Kuršių nerijos paminklai, tokie kaip Štangenvaldės (Stangenwalde) senkapijai ir Korallenbergo (Korallen–Berg) gyvenvietė, patraukė tyrinėtojų dėmesį nuo XIX a. antrosios pusės. Dauguma jų šiuos paminklus tapatino su Ordino ekspansijos laikotarpiu Vakarų baltų žemėse ir datavo juos XII/XIII–XV a. Korallen–Berg gyvenvietės ir galbūt prie jos priskirto Stangenwalde nekropolio chronologija V. Kulakovo atitinkamai apibrėžta X–XI ir XI/XII–XIV a. Atsižvelgiant į kitų baltų XII/XIV–XV a. dirbinių analogijas paskelbtai Korallen–Berg medžiagai, ši chronologija ne visai tiksli. Apie tai taip pat liudija radinių ir kapų, datuotų anksčiau nei XIII a., nebuvimas Štangenvaldės paminkle (išskyrus dvi seges). V. Kulakovo teiginys apie šių paminklų priskyrimą ir kuršių genčiai taip pat nepakankamai tikslus bei reikalauja tolesnių tyrimų.

Pagrindiniai archeologiniais duomenimis patvirtinti prūsų ir pietų kuršių kontaktai lokalizavosi prekybos ir amatų centruose. Pagrindinis vaidmuo čia tenka Kaupui (Viskiautams) Semboje, Linkūnams

skalvių žemėse, Žardei kuršių žemėje, Pilsotui ir, be abejo, Palangai kuršių Mėguvoje. Kartografuojant prūsams ir kuršiams būdingus radinius, pagrindinės tarpusavio įtakos zonos buvo Sembos ir Natangos regione, Pietų Kurše, Priegliaus vidurupyje, Nemuno žemupyje ir Gotlando saloje, kur rasta praktiškai visų prūsams ir kuršiams būdingų papuošalų bei ginklų tipų. Sprendžiant iš „kuršių“ tipo archeologinio inventoriaus buvimo paminkluose ties Priegliaus vidurypiu (Timofeevka–Kamsvikus, Gumbinė) bei Nemuno žemupyje (Linkūnai, Šplitter prie Tilžės), išskyrus Nemuno prekybinį kelią, svarbus prekių gabenimo maršrutas galėjo eiti į Sembą iš kuršių ir žiemgalių pasienio per lamatų, skalvių ir nadruvių žemes. Turint omenyje tvirtus ir ilgalaikius kuršių ir prūsų ryšius su Pietų skandinavų kraštais, kurie buvo aktualūs ir XI–XII a., dauguma tarp Vakarų baltų paplitusių papuošalų ir ginklų prototipų, galimas dalykas, patekdavo pas kuršius ir prūsus beveik vienu metu. Šių dirbinių vietinės modifikacijos galėjo toliau plisti baltų etnokultūrinio arealo viduje.

Prūsų ir kuršių X–XIII a. kultūros morfologiškai yra panašios, stebint ir tolygų šių genčių dalyvavimą Baltijos regiono istoriniuose procesuose.

Vertė R. A. Širouchov

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. Pagrindinės prūsams ir kuršiams būdingų papuošalų bei ginklų tipų paplitimo zonos: 1 – Sembos pusiasalis, 2 – Lietuvos ir Latvijos pajūris, 3 – Priegliaus vidurypis, 4 – Nemuno žemupys, 5 – Gotlando sala.

2 pav. Prūsų ir jų kaimynų archeologiniai paminklai, apžvelgti publikacijoje: 1 – Klincovka 1 (Irzekapis), 2 – Kaup–Wiskiauten, 3 – Bledau (Sosnovka), 4 – Schulstein, 5 – Dollkeim (Kovrovo), 6 – Alejka 3, 7 – Gerojskoje 5 (Eisliethen), 8 – Laptau (Muromskoje), 9 – Gračevka (Craam), 10 – Dobroje (Hünenberg), 11 – plokštinis kapinynas prie buvusio Ekritten, 12 – Seefeld, 13 – Povarovka (Grebieten), 14 – Schuditten (Orehovo), 15 – Mitino (Stantau), 16 – Kleinheide, 17 –

Šossejnoje 1, 18 – Ušakovo (Brandenburg), 19 – Stangenwalde, 20 – Korallen-Berg, 21 – Lunino (Sanditten), 22 – Alt-Wehlau, 23 – Timofeevka (Kamswikus), 24 – Gusev (Gumbinnen), 25 – Linkuhnen (Rževskoje), 26 – Splitter, 27 – Ragnit (Neman).

3 pav. Kuršiams būdingos VIII–IX a. segės iš „Prussia“ muziejaus rinkinių: 1 – КГОМ 16421.30, 2 – КГОМ 16421.154. Radimo vietos nežinomos. *R. Širouchovo nuotr.*

4 pav. Prūsų teritorijoje rastos XI a. – XIII a. pirmosios pusės I (1–2) ir II.2 (3–6) potipių pasaginės segės žvaigždiniais galais ir žiedinės šarnyrinės segės (7–10): 1 – Klincovka 1 (Izekapinis), ats. rad., КГОМ 9772.310, 2 – plokštinis kapinynas prie buvusio Ekritten, ats. rad., КГОМ 18019. 2, 3 – Alejka 3, k. 339, КГОМ 1808.1, 4 – Kleinheide, ats. rad., КГОМ 15825.11, 5 – Šossejnoje 1, ats. rad., КГОМ 17896.12, 6 – Klincovka 1 (Izekapinis), k. 39, КГОМ 10709.82, 7 – Čerepanovo (Powayen, Sembos pusiasalis), ats. rad., КГОМ 18017.2, 8 – Schulstein (?) iš „Prussia“ muziejaus rinkinių, КГОМ 17928.7, 9 – Šossejnoje 1, ats. rad., КГОМ 17896.9, 10 – Klincovka 1 (Izekapinis), k. 16 (?), КГОМ 10709.68. *R. Širouchovo nuotr.*

5 pav. XI a. antrosios pusės – XIV a. pasaginės segės platėjančiais galais, rastos prūsų ir jų kaimynų teritorijoje: 1 – Klincovka 1 (Izekapinis), k. 62, КГОМ 12325.19, 2, 3 – Gusev (Gumbinnen), ats. rad., p. k., 4 – Stangenwalde, 5 – Alt-Wehlau (Балуев, 2003, Илл. 4:8, *S. Koval pieš.*). *R. Širouchovo nuotr.* (išskyrus 4, 5).

6 pav. XI a. antrosios pusės – XIV/XV a. pasaginės segės aguoniniais galais ir jų fragmentai (galvutės-svareliai), rastos prūsų, nadruvių ir skalvių teritorijoje: 1–3 – plokštinis kapinynas prie buvusio Ekritten, ats. rad., КГОМ 18019.5, 18019.6, 18019.7, 4 – Alejka 3, k. 511, КГОМ 17954.39, 5 – Alejka 3, k. 517, КГОМ 17954.31, 6 – Gusev (Gumbinnen), ats. rad., p. k., 7 – Gerojskoje 5 (Eisliethen), N. Zubarevo archyvas, 8 – Alt-Wehlau, КГОМ 16628.6, 9 – Linkuhnen, 10 – Timofeevka (Kamswikus). *R. Širouchovo nuotr.* (išskyrus 7, 9, 10).

7 pav. XI a. antrosios pusės – XII/XIII a. plokštinės šarnyrinės segės, rastos prūsų ir nadruvių teritorijoje: 1 – plokštinis kapinynas prie buvusio Ekritten, ats. rad.,

КГОМ 18019.1, 2 – Klincovka 1 (Izekapinis), k. 28a, КГОМ 17567.30, 3 – Gusev (Gumbinnen), ats. rad., p. k. *R. Širouchovo nuotr.*

8 pav. XI a. antrosios pusės – XII/XIII a. plokštinės kryžinės šarnyrinės segės, rastos prūsų ir nadruvių teritorijoje: 1 – Dollkeim (Kovorvo), ats. rad., КГОМ 18017.1, 2 – Gerojskoje 5 (Eisliethen), ats. rad., N. Zubarevo archyvas, 3–4 – Šossejnoje 1, ats. rad., КГОМ 17896.45–46, 5 – Gusev (Gumbinnen), ats. rad., p. k. *R. Širouchovo nuotr.*

9 pav. V tipo plokštinė laiptelinė segė (1) ir plokštinė individualios formos segė (2): 1 – Lunino (Sanditten), ats. rad., КГОМ 17749.2 (*R. Širouchovo nuotr.*), 2 – Seefeld (Gaerte, 1929, Abb. 258:b; Wróblewski, 2006, Fig. 7).

10 pav. XI–XIII a. apyrankės zoomorfiniais galais, rastos prūsų teritorijoje: 1 – Klincovka 1 (Izekapinis), k. 80 (?), КГОМ 12832.75, 2 – Klincovka 1 (Izekapinis), k. 62, КГОМ 12325.20, 3 – Šossejnoje 1, ats. rad., КГОМ 17896.60, 4 – plokštinis kapinynas prie buvusio Ekritten, ats. rad., КГОМ 18019.3. *R. Širouchovo nuotr.*

11 pav. XII–XIII a. juostinės apyrankės, rastos prūsų teritorijoje: 1 – Alt-Wehlau, k. 104, КГОМ 15648.2 (*S. Koval pieš.*), 2 – Alt-Wehlau, ats. rad., КГОМ 16312.22 (*S. Koval pieš.*), 3 – Gračevka (Craam) (Гуревич, 1960, рис. 48).

12 pav. X/XI–XIV a. kryžiniai smeigtukai ir jų fragmentai, rasti skalvių, nadruvių ir prūsų teritorijoje: 1 – Löbertshoff, iš „Prussia“ muziejaus rinkinių, КГОМ 642.2, 2 – Gusev (Gumbinnen), ats. rad., p. k., 3 – Alt-Wehlau, КГОМ 16350.34. *R. Širouchovo nuotr.*

13 pav. XI–XIII a. T1 („kuršių“) tipo kalavijai ir jų fragmentai, rasti prūsų teritorijoje: 1 – plokštinis kapinynas prie buvusio Ekritten, ats. rad., КГОМ 18019.4, 2 – Šossejnoje 1, ats. rad., КГОМ 17896.42, 3 – Gusev (Gumbinnen), ats. rad., p. k., 4 – Ušakovo (Brandenburg), ats. rad., p. k., 5 – Kleinheide, ats. rad., K. Skvorcovo archyvas (*A. Dementjevov pieš.*), 6 – Gerojskoje 5 (Eisliethen), ats. rad., N. Zubarevo archyvas. *R. Širouchovo nuotr.* (išskyrus 5, 6).

14 pav. Vb tipo kalavijų makštų apkalų stiliaus evoliucijos (degradavimo) variantas pagal J. Asarį su

autoriaus papildymais: 1 – Bandužiai, k. 36, MLIM 47826, 2 – Anduliai, iš „Prussia“ muziejaus rinkinių (P. M. V. 57.6229), КГОМ 1642.170, 3 – Pasils (Latvija), ГЭ 890/574, 4 – Ušakovo (Brandenburg), ats. rad., p. k. R. *Širouchovo pieš.*

15 pav. XI–XIII a. Vb tipo kalavijų makštų apkalai, rasti prūsų teritorijoje iki 1945 m. (iš „Prussia“ muziejaus rinkinių): 1 – Dollkeim (Kovrovo), 2 – Kaup–Wiskiauten, 3 – Schulstein, 4 – Pokirben, 5 – Medenau (Mühlen, 1975, Taf. 15).

16 pav. X–XII a. Petersen M tipo plačiaašmeniai kirviai, rasti prūsų teritorijoje: 1 – Šossejnoje 1, ats. rad., КГОМ 12909.1, 2 – Šossejnoje 1, ats. rad., КГОМ

12909.2, 3 – Klincovka 1 (Irzekapinis), k. 10, КГОМ 9772.46. R. *Širouchovo nuotr.*

17 pav. Klincovka 1 (Irzekapinis) plokštinio kapinyno kapo 62 įkapės: 1 – įkapės, pateiktos V. I. Kulakovo 1979 m. ataskaitoje (Кулаков, 1979š, Рис. 72), 2 – įkapės iš Kaliningrado istorijos ir meno muziejaus fondu (КГОМ 12325.19–24) (R. *Širouchovo nuotr.*).

18 pav. XII–XIV a. bronzinės segės iš Korallen–Berg gyvenvietės: 1 – plokštinė kryžinė šarnyrinė segė, МПНПКК 119.174.1, 2, 4 – pasaginės segės cilindriniais galais, МПНПКК 119.174.3–4, 3 – pasagine segė aguoniniais galais, МПНПКК 119.174.2. R. *Širouchovo nuotr.*